

**Российская объединенная
демократическая партия «ЯБЛОКО»**

УРОКИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

**Материалы Круглого стола, посвященного
отмене крепостного права и началу
Великих реформ**

16 февраля 2011 г.

Москва
2011

Уроки Великих реформ. Материалы Круглого стола, посвященного отмене крепостного права и началу Великих реформ.

Под ред. Г.М. Михалевой. — М., РОДП «ЯБЛОКО», 2011. — с. 76. ISBN 978-5-4399-0008-4.

Ответственные за выпуск: Г.М. Михалева, М.П. Сергутина

Обложка, дизайн, оригинал-макет: Л.А. Аниканова

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит выступления участников Круглого стола «Уроки Великих реформ», прошедшем в Партии «ЯБЛОКО» 16 февраля 2011 года, в том числе — тексты докладов известных историков А.Б.Зубова, А.Н.Медушевского, А.М. Никулина, М.А. Давыдова и выступлений представителей руководства партии, включая С.С.Митрохина и Г.А. Явлинского. Обсуждение было посвящено целям и ходу Великих реформ — уникальному опыту масштабной, глубокой, но в то же время ненасильственной модернизации России, которые впервые в российской истории открыли каналы значительного влияния общества на государство. Участники отвечали и на вопросы, какие уроки можно извлечь из них, какой опыт будет актуален сегодня, и каких ошибок можно избежать.

© РОДП «ЯБЛОКО»
ISBN 978-5-4399-0008-4

Подписано в печать 20.06.2011 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Объем 4,75 п.л.
Отпечатано в ООО «ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ». Москва, ул. 5-я Кабельная, 2б.

Заказ № 1335. Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ _____ 4

**ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ 150-ЛЕТИЯ
ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА
И НАЧАЛА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ**

Обращение Бюро РОДП «ЯБЛОКО»
к Президенту РФ Д.А. Медведеву _____ 7

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Михалева Г.М.

Исполнительный секретарь Политического комитета
РОДП «ЯБЛОКО» _____ 9

Митрохин С.С.

Председатель РОДП «ЯБЛОКО» _____ 11

Зубов А.Б.

Профессор МГИМО _____ 14

Медушевский А.Н.

Профессор Высшей школы экономики _____ 20

Никулин А.М.

Директор Центра аграрных исследований
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы _____ 31

Рябов А.В.

Член Научного совета Центра Карнеги _____ 35

Давыдов М.А.	
Доктор исторических наук, профессор РГГУ _____	42
Гефтер В.М.	
Директор Института прав человека _____	50
Явлинский Г.А.	
Основатель партии «ЯБЛОКО», член Политкомитета, профессор _____	55
Мисник Б.Г.	
Координатор Политкомитета партии «ЯБЛОКО» _____	59
Гнездилов А.В.	
Член Регионального совета, заместитель председателя Московского «ЯБЛОКА» и Молодежной палаты при МГД, режиссер _____	62
Митрохин С.С.	
Подведение итогов обсуждения _____	65
Сведения об участниках _____	68
О партии «ЯБЛОКО» _____	72
Последние публикации партии «ЯБЛОКО» _____	74

ПРЕДИСЛОВИЕ

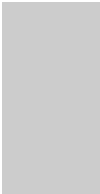
В 2011 году исполняется 150 лет началу Великих реформ XIX века, которые, помимо отмены крепостного права, включали в себя судебную, военную, земскую, городскую и образовательную реформы. Это был уникальный опыт масштабной, глубокой, но в то же время ненасильственной модернизации России, проведенной сверху. Манифест об отмене крепостного права стал одним из переломных событий отечественной истории. Царь-освободитель дал первый мощный толчок стране в нужном, универсальном направлении социальной эволюции, открыв каналы воздействия освобожденного общества на государство, что обусловило рывок и в экономическом развитии страны. Но, даже оставаясь самодержавным монархом, он был не в состоянии гарантировать ее дальнейшее нормальное развитие, которое было остановлено его наследниками. Именно в этом нежелании считаться с мировыми реалиями следует искать причины краха старой России в 1917 году.

Перед сегодняшней Россией стоят те же вопросы — о свободе, справедливости, развитии, — которые были подняты в эпоху Великих реформ; о том, что руководство страны должно иметь смелость пойти на реформы, освободить общество и использовать стремительно исчезающую возможность возвращения страны в мейн-стрим мирового развития. Главная задача при этом — не повторить роковые ошибки предшественников, которые привели страну к краху и жесточайшему тоталитарному режиму.

Партия «ЯБЛОКО» неоднократно обращалась в последнее время к фундаментальным вопросам, связанным с поворотами российской истории и оценкой тоталитарного прошлого, освещенных, в том числе, в книгах Григория Явлинского «Февральские параллели» и сборнике «Преодоление сталинизма». В связи с годовщиной Великих реформ партия обратилась в Президенту с предложением ежегодного празднования отмены крепостного права и разработки государственной программы мероприятий, приуроченных к грядущим юбилеям Судебной, Военной, Земской реформ, реформы образования и рассчитанных на весь 2011 год.

16 февраля 2011 г. в офисе партии прошел круглый стол, посвященный обсуждению хода и результатов Великих реформ, успехов и неудач в контексте задач модернизации, стоящих перед Россией сегодня. В обсуждении участвовали известные историки, философы, политологи и представители руководства партии.

Их доклады и выступления, а также материалы дискуссии и предлагаются вниманию читателей.

РОССИЙСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ «ЯБЛОКО» ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ 150-ЛЕТИЯ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА И НАЧАЛА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

**Обращение Бюро РОДП «ЯБЛОКО»
к Президенту Российской Федерации
Д.А. Медведеву, 29.01.2011 г.**

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

В 2011 году исполняется 150 лет началу Великих реформ XIX века, которые, помимо Крестьянской реформы (отмены крепостного права), включали судебную, военную, земскую и городскую реформы, реформу образования. Это был уникальный опыт масштабной, глубокой, но в то же время ненасильственной модернизации России. Эти реформы были рассчитаны на поддержку в обществе, и впервые в российской истории открыли каналы значительного влияния общества на государство.

Преобразования были успешными — за исторически короткий промежуток времени произошел самый значительный в российской истории поворот огромной страны к современному (для той эпохи) типу развития.

В повестке дня сегодняшней России на первом месте остаются те же вопросы — о свободе, справедливости, развитии, — которые были подняты в эпоху Великих реформ.

Гражданский подвиг наших предшественников, подготовивших и осуществивших Великие Реформы, имеет огромное значение для настоящего и будущего России. Внимание к этому опыту особенно важно сейчас, когда перед российским обществом и государством вновь стоят задачи создания гражданских и правовых институтов, отве-

чающих требованиям современности, когда чрезвычайно остры проблемы восстановления связи между обществом и государством.

Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» считает, что исторический опыт наиболее масштабных и, при всей их противоречивости, наиболее успешных преобразований в российском государстве и обществе, занимающих особое место в истории Отечества, должен быть увековечен. Мы предлагаем объявить 3 марта (19 февраля по старому стилю) — день подписания Манифеста об отмене крепостного права, положившего начало проведению Великих реформ, памятной датой России — Днем Освобождения, и внести соответствующие изменения в Федеральный Закон «О днях воинской славы и памятных датах России».

Мы призываем разработать государственную программу мероприятий (научных конференций, чтений, круглых столов, открытия памятных знаков и мемориальных досок, просветительских акций, книгоиздания), приуроченных к грядущим юбилеям Судебной, Военной, Земской реформ, реформы образования и рассчитанных на весь 2011 год. События такого рода будут важны не только для историков, но и для всех, кто заинтересован в независимом суде, профессиональной армии, эффективном и по-настоящему самостоятельном местном самоуправлении, эффективном здравоохранении, качественном общедоступном образовании.

Мы убеждены, что ежегодное празднование этого знаменательного дня будет способствовать утверждению в российском обществе духа свободы и справедливости, расширению поддержки идей экономического, общественного, социального, политического развития и качественного управления государственными и местными делами.

Почтение к великому гражданскому подвигу прошлого будет способствовать усилению общественной поддержки модернизации нашей страны.

**Председатель РОДП «ЯБЛОКО»
С.С. МИТРОХИН**

МИХАЛЕВА Галина Михайловна

Исполнительный секретарь Политического комитета РОДП «ЯБЛОКО»

Мы, как партия, посчитали нужным обязательно отметить эту замечательную дату — 150-летие Великих реформ. Мы уже приняли обращение Бюро к Президенту по этому поводу, но решили, что необходимо содержательно обсудить эту важную проблему с экспертами, которые значительную часть своей жизни занимались этой проблематикой и знают все особенности и контекст проведения реформ, безусловно, лучше нас.

Когда мы начинаем говорить о Великих реформах, возникает масса аллюзий. Очень похожи на нынешнюю ситуацию осознание властями необходимости проведения реформ, внутренняя и внешняя ограниченность возможностей властей, и опасности, которые возникают снизу, исходят от общества. Дискуссия об этих Великих реформах периодически возобновлялась в такие сложные исторические периоды, которые возникали в нашей стране, в критических ситуациях, — и в период революции 1905-1907 годов. Во время горбачевской перестройки тоже начинали обсуждать реформы. И сейчас, в связи с проблематикой модернизации, мы естественно, возвращаемся не только к февральской революции 1917 года, не только к октябрьскому перевороту, чем мы тоже, кстати, занимаемся в связи с темами основ легитимности существующего режима и задачами преодоления тоталитарного прошлого — большевизма и сталинизма, но должны, вынуждены для понимания российского развития обращаться к еще более ранним периодам развития российской истории.

Для начала я приведу несколько цитат.

Конечно, Александр II — не первый русский правитель, который задумывался о реформах. Я напомним, что говорила по этому поводу Екатерина II: «Если не согласиться на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно». Это, конечно, дилемма любого правителя в тоталитарном или в авторитарном государстве. И она же говорила: «Лучше освободить сверху, прежде

чем освободятся снизу». Этими же мотивами руководствовался и Александр II, сделавший практические шаги по освобождению общества и превращению России в современное государство.

И в эти дни, когда мы переживаем события в Тунисе, в Египте, и когда начинаются аналогичные волнения, восстания против правителей, беспорядки, а где-то и настоящая гражданская война в других арабских странах, это тоже заставляет нас задумываться об опыте реформирования сверху.

Но сегодня мы хотели бы обсудить не только исторический аспект этой проблемы, хотя и без этого тоже невозможно, и об этом расскажут наши эксперты, но и о связи тех реформ с нынешним политическим и экономическим развитием. А закончились ли эти реформы? Действительно ли произошло это Освобождение, или мы по-прежнему живем еще в шлейфе тех исторических событий, и наша страна так и не прошла путь, который нужно было пройти, и в этом точка так и не поставлена? И, соответственно, мы будем говорить об опыте Великих реформ в связи с задачами современной России.

МИТРОХИН Сергей Сергеевич

Председатель РОДП «ЯБЛОКО»

150-летие Великих реформ — дата, исключительно важная для нашей истории. Характерно, что эта дата будет отмечаться только частью нашей политической элиты и нашего общества. Для подавляющего большинства граждан России и представителей государственной власти сегодня дата эта ничего не значит, либо просто они о ней не помнят, она им неизвестна в силу разных причин. Но для нас, для нашей партии, эта дата — 150 лет знаменитому указу Александра II об освобождении крестьян, который положил старт целой серии очень крупных реформ, имеет огромное значение. Нужно услышать мнение экспертов, историков, специалистов по поводу успешности или не успешности этих реформ. По моему мнению, мы можем говорить о серьезном успехе этих реформ, по крайней мере, ряда из них. Другое дело, как все продолжалось, что происходило дальше, включая и судьбу самого реформатора. Насколько эти реформы были завершены или не завершены? Об этом, конечно, споры никогда не утихнут. Но все-таки мы должны констатировать, что это был один из самых серьезных проектов цивилизованного реформирования России.

Мы знаем, что были и другие реформы в России. Видимо, можно разделить все реформы, которые осуществлялись в нашей стране, на две категории. Одна категория — это реформы жестко административные, основанные скорее на закреплении личности, реформы, основанные на насилии над личностью. Это — петровские реформы, реформы, которые проводили коммунисты, сталинские реформы и так далее. Такая традиция авторитарного реформирования исключительно популярна в сознании нашей политической элиты. Рецидивы этой традиции сегодня мы можем встретить сплошь и рядом, вплоть до высказываний самых высших руководителей. Даже в те моменты, когда они хотят казаться очень либеральными, у них все-таки проскальзывают такие мотивы.

И вторая традиция представлена, реформами, основанными на раскрепощении, создании свободного человека, свободной личнос-

ти и высвобождении колоссальной общественной энергии на импульсе освобождения, а не закрепощения. Видимо, самыми успешными из этих реформ можно назвать именно реформы Александра II. Мы можем, наверное, сюда отнести еще и реформы Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. Но, что касается успешности, мне кажется, они будут сильно отставать от того, что было сделано Александром II.

Для нас — партии «ЯБЛОКО», социально-либеральной партии, — эти реформы — свидетельство того, что Россия может успешно преобразовываться, двигаться вперед, идя по европейскому и либеральному пути развития. И этот опыт — ответ всем сторонникам теории «особого пути», теорий в духе того, что Россия может развиваться, опираясь только на какие-то тоталитарные, репрессивные механизмы мобилизации, возращение всем кабинетным теоретикам и практическим деятелям этого направления.

Ответ всем этим теоретикам и практикам заключается в том, что главным стержнем Великих реформ Александра II, главным направлением было освобождение, пусть это освобождение было не окончательным и не последовательным, не закрепленным в каких-то реально и долгосрочно работающих институтах. Тем не менее, реформы коснулись не только крестьянства, но и всех слоев нашего общества и включали в себя такие важнейшие либеральные направления, как, например судебная реформа и отмена цензуры. Эти реформы, неожиданно для всех наблюдателей, в том числе — иностранных, привели к созданию в России независимого суда, соответствующего самым передовым зарубежным образцам, до чего нам сегодня, к сожалению, очень далеко. Это и очень серьезная реформа армии. Опять-таки, на импульсе освобождения (в данном случае от рекрутчины) российская армия восстановила свою дееспособность после поражения в Крымской войне.

Это были реформы не только либеральные, направленные на европейский вектор развития России, но еще и реформы в истинном смысле этого слова — государственные, они делали государство дееспособным и современным.

Лозунг построения современного государства и сегодня провозглашается нашими руководителями, в том числе нашим президентом, как ориентир того, куда должна двигаться наша страна. Однако, кроме деклараций и заявлений на эту тему мы, собственно говоря, ничего не видим. Все призывы к созданию современного государства у нас ни к чему не приводят. Мы продолжаем жить в архаическом, каком-то полукоммунистическом, полусоциалистическом, полукapиталистическом, государстве, в котором ограничена свобода

слова, нет независимого суда, и нет реально работающего местного самоуправления. Я перечисляю сейчас все те направления, в которых реформы Александра II достигли очень серьезного результата. А к ним надо прибавить еще и реформу армии и, конечно же, университетскую реформу тоже не следует забывать. Если мы сопоставим, что делал в этой сфере Александр II, и что делается сейчас, мы увидим очень серьезный откат назад, колоссальный регресс. Если он ввел фактически самоуправление в университетах, то сейчас у нас все, включая университеты, встраивается в вертикаль власти. Если он открыл российским университетам «окно в Европу», то сейчас все, какие только можно представить «окна» у нас, по-моему, закрываются, и университетское образование, вузовское образование становится все больше и больше механическим придатком государственных структур.

То, что было создано во время Великих реформ, с моей точки зрения — российская наука. Основы советской науки и ее передовых достижений были заложены именно в результате университетской реформы Александра II. Ее плодами питались и большевики. Именно те люди, которые работали в шарашках, делая естественно-научные открытия и создавая новую военную и, в том числе, космическую технику были, в конечном счете, выходцами из этой традиции.

Поэтому мы считаем эту дату исключительно важной для нашей истории. Наша цель как партии заключается в том, чтобы эта дата вошла в число наиболее важных исторических дат России. Не только победы в войнах должны быть праздником в нашей стране, но должны отмечаться и те точки прорыва, которые были в нашей истории. Александровские реформы — это точка прорыва, они задали тот ориентир для реформаторов настоящего и будущего, которому мы должны следовать. И наша партия ориентируется именно на этот вектор развития, реформирования страны.

Поэтому я надеюсь, что сегодняшний Круглый стол поможет нам еще более четко и глубоко осознать это событие.

ЗУБОВ Андрей Борисович

Профессор МГИМО

Дорогие друзья, я в высшей степени рад возможности присутствовать на этом Круглом столе, и счастлив, что ваша партия, «ЯБЛОКО», избирателем которой я являюсь... являлся, пока это было возможно, а после этого вообще перестал быть избирателем, проявила такую инициативу.

Я благодарю за приглашение, за возможность выступить здесь. И я полностью согласен с предложением сделать этот день значимым днем нашего календаря, праздничным днем, может, не таким, когда люди не работают, но, по крайней мере, днем, который будет отмечен. Единственно, что я бы рекомендовал в соответствии с русской традицией — даты до смены стиля все-таки праздновать не по новому, а по старому стилю. Потому что у нас, даже если признавать ленинский переход, до него мы всегда даем даты по старому стилю, единственное исключение — это известная революция, которую переместили с 25 октября на 7 ноября. Да и ее большевики продолжают называть «великой октябрьской». Все мы привыкли к 19 февраля как ко дню Великой реформы, и 19 февраля вряд ли стоит переводить на март. Это все равно, что назвать мартовской революцией февральскую революцию.

Но теперь перейдем от общего к более частному.

Представим себе на минуту, что Александр II сохранил бы свои взгляды, которые он имел, когда был великим князем. А известно, что Александр II был очень консервативен, когда он был еще цесаревичем Александром Николаевичем. Он вполне разделял взгляды отца и даже был правее него, как это ни странно. Это мало известно, но он был большим противником эмансипации крепостных в северо-западных губерниях, о чем немало говорили в последние годы правления его отца Николая Павловича. И очень возможно, он остался бы при своих взглядах, если бы не объективная реальность, если бы не советники. Мы должны ясно осознавать, что Великие реформы — это не плод решения Александра II (хотя, конечно, волевое решение главы государства всегда очень значимо), а настойчивая деятельность того, что мы называем обществом, и к чему ваша партия особенно близка. Это, конечно, деятельность Дворянских собраний, особенно тверского Дворянского собрания, которое не уставало по-

давать петиции, за которые его наказывали. С другой стороны Александра II убеждал в необходимости реформы целый ряд советников — генерал Я.И. Ростовцев, Н.А. Милютин, Я.А. Соловьев, такие общественные деятели как А.И. Кошелёв, князь Черкасский, И.С. Аксаков, К.Д. Кавелин, Ю.Ф. Самарин, нижегородский губернатор А.Н. Муравьев, тверской предводитель дворянства А.М. Унковский и, конечно же, его намного более просвещенный либеральный брат Константин Николаевич, который очень много сделал для Великих реформ.

Но, тем не менее, давайте представим себе на минуту, что эти реформы бы не прошли. Или бы Николай Павлович не умер бы в феврале 1855 года, или бы Александр, унаследовав престол, решил продолжать линию отца, как пытался продолжать Николай II линию своего покойного батюшки — государя Александра Александровича. Что бы было тогда?

Россия при Николае Павловиче деградировала не только в моральном смысле, не только в глазах Европы, она деградировала и в экономическом смысле. Сократились самые важные экономические показатели: выплавка чугуна, добыча угля. Россия явно шла вниз. С другой стороны, с каждым годом возрастало количество крестьянских восстаний и возрастало количество выявленных эксцессов крепостного права. Безусловно, их было много и раньше. Но эти эксцессы крепостного права в основном микшировались, скрывались от широкой публики. Тут же всякие безобразия, которые творились во многих имениях — насилие, сексуальное насилие, нарушения новых законов Николая Павловича о запрещении продажи в розницу крестьян (то есть, продавать теперь можно было только семьями) — все это становилось предметом широкого, пусть не печатного, но общественного обсуждения.

Россия ждала с ужасом, ну а кто-то и с надеждой, как Герцен, новой пугачевщины. Эти слова — «новая пугачёвщина» — не сходили со страниц частной переписки, как опубликованной, так и доступной только в архивах. И, безусловно, она бы произошла. То есть можно сказать, что если бы в 1860-е годы, с 1861 по 1868 не прошла бы серия Великих реформ, то Россию бы ждала в конце 1860-х — начале 1870-х годов революция, аналогичная той, что погубила Россию в 1917 году, еще, может быть, более ужасная из-за еще более плохой социальной структуры и еще большей ненависти крестьянства к помещикам, которая все-таки отчасти была смягчена пятидесятилетним периодом после отмены крепостного права. Итак, без великих реформ Россию ждала великая катастрофа.

Великие реформы спасли Россию от катастрофы. Это совершенно очевидно. Это были не реформы, которые можно было проводить, а можно было не проводить, или можно было отложить. Это были реформы абсолютно необходимые и совершенно своевременные.

Но, с другой стороны, осознав неотложную необходимость реформ, русская власть оказалась в неразрешимом противоречии. Как проводить реформы? Вопрос не в том, что не знали технологий. Технологии были. К этому времени уже был опыт частичного освобождения крестьян в Польше Наполеоном, в Прибалтике Александром I, за границей уже освободили крестьян в Пруссии, в Зальцбурге. Вопрос шел совершенно о другом: как освободить крестьян так, чтобы они после этого не восстали. Потому что освобождение крестьян без земли было худшим делом, чем не освобождение. Это бы еще быстрее привело к «пугачевщине». Но как освободить крестьян с землей так, чтобы помещики, дворянство — опора старого режима — не стали бы худшими противниками царя?

Император Александр Николаевич помнил, ему отец рассказывал об этом, тайно рассказывал — есть воспоминания целого ряда сановников Николая Павловича, которые говорят, как Николай Павлович открыл сыну, как был убит его дед император Павел Петрович. И ясно, что он был убит в первую очередь потому, что он пытался отменить по факту — не законом, а по факту, вольности дворянства, вернув их опять в состояние, которое было до Петра III и Екатерины, то есть просто служилого сословия без прав на собственность. Император Александр II прекрасно понимал, что если то же самое сделать теперь, то это, во-первых, по сути, несправедливо, потому что дворяне внесли немалый вклад в дело укрепления России, это не нынешние, какие-то коррумпированные чиновники, которые сосут и ничего не делают, а действительно люди, которые кровью своей, умом своим и в гражданской, и в военной области очень много сделали для России. Поэтому просто их лишить всего, сделать их люмпенами было политически опасно и нравственно невозможно. А отбирать у них собственность означало тоже вещь совершенно невозможную, потому что тогда бы они были недовольны, стали бы негодовать на неблагодарного монарха, забывшего обо всех жертвах дворянства Государству Российскому. Не давать же крестьянам землю тоже было невозможно. И, наконец, денег чтоб все это сделать, покрыть из резервных фондов, как у нас делают в лучшие нефтяные годы, тоже тогда было невозможно. Потому что после Крымской войны Россия была полностью разорена. Денег, чтобы заплатить дворянам за отчуждаемую у них землю, в казне практически не было.

В этой ситуации самым простым было бы вообще ничего не де-

ждать и ждать, что, авось, рассосется, как у нас до сих пор очень часто поступают политики. Слава Богу, что убежденный своими советниками, в общем-то, из нравственных соображений и соображений просто личной безопасности (трудно сказать, что тогда перевесило у Александра II) он пошел по пути Великих реформ.

Второе — это то, что была проведена не одна судорожная реформа — у всех, конечно, на слуху было освобождение крестьян — а была осуществлена целая система реформ, которые были продуманы заранее. И даже их последовательность была продумана заранее. Если освобождать крестьян, то они должны быть полноправными гражданами если не всего государства, то своего сообщества. Значит, необходимо земское самоуправление. И, надо сказать, что поразило помещиков (этот момент тоже присутствует в массе воспоминаний) — что вчерашние их крепостные, вчерашние мужики, которых большинство из них совершенно не уважало, как часто не уважаешь тех, над кем имеешь абсолютную власть (это только кошек и собак своих любим, потому что они твои хозяева, а ты их раб), они вдруг увидели, что в земствах крестьяне ведут себя разумно. Выбранные в земство крестьянские гласные ведут диалог с бывшими своими хозяевами вполне конструктивно, никакой социальной ненависти нет, а есть желание решить в свою пользу вопросы мирным, разумным путем. Это был потрясающий опыт, тем более, что тогда русская крепостная деревня, да и вообще русская деревня, даже черносошное крестьянство было абсолютно безграмотным. Грамотных среди крестьян тогда было 1,5—1,6 процента, то есть, можно сказать, уровень грамотности стремился к нулю. Только после проведения реформ начала быстро расти грамотность — из-за создания земских школ.

Создание настоящего самоуправления (екатерининское городское самоуправление не заработало) — городского самоуправления и земского сельского самоуправления стало необходимым условием гражданской социализации и освобожденных крестьян. Но этого мало: если крестьяне обретали самоуправление и гражданские права, то обязательно должен быть свободный суд, без этого бюрократия делает самоуправление фикцией. Значит, соответственно, должен быть суд, независимый от бюрократии.

Понятно, какой кровью бюрократия отрывала от себя эту привилегию — и денежную (не было более коррумпированной сферы в николаевской России, чем бюрократический суд), и, естественно, властную. И, однако же, судебная реформа была осуществлена. Судебные уставы были Высочайше утверждены 20 ноября 1864 г. Для нас сейчас это тоже немаловажная дата. Был создан суд присяжных, независимый суд, который, как вы помните, иногда выно-

сил, в общем совершенно невозможные решения, но не в пользу бюрократии.

Наконец, следующий очень важный момент — это отмена предварительной цензуры. Об этом никогда не надо забывать, потому что предварительная цензура полностью парализовала общество при Николае Павловиче в последние десять лет его царствования. А с первого сентября 1865 г. она была фактически отменена.

Очень важная вещь — возобновление перевода и быстрое издание Библии на русском живом языке. Дело в том, что окружение Александра II прекрасно понимало, что неграмотный народ только тогда станет политически грамотным, когда он, обретя формальную грамотность, сможет читать основообразующий духовный текст, которым для русских была Библия. Бои за русскую Библию не прекращались все царствование Николая Павловича, и тут они подошли к концу, и Библия была издана на русском языке. Это тоже исключительно важный духовный фундамент, без которого Великие реформы не прошли бы так, как они прошли.

Наконец, реформа армии, замена в 1874 г. рекрутчины всеобщей всесословной воинской повинностью — это тоже важнейшее преобразование Александрова царствования.

Как мы видим, это были системные реформы. В этой системе, правда, был один очень серьезный срыв, о котором нам тоже нельзя забывать. Это попытка восстановления в Польшу автономии, то есть восстановление Польши в том виде, в котором она была при Александре I, дяде Александра Николаевича. Но эта попытка закончилась вторым польским восстанием, катастрофой, несмотря на самые лучшие намерения у Александра II, когда он с маркизом Велёпольским и братом Константином начал в 1862 г. далеко идущие реформы управления Царства Польского. Восстание в Польше в 1863 г. во многом привело к незавершенности реформ вообще. Это, как считают историки, развернуло Александра к охранительной политике и в национальном вопросе, и во многих других вопросах жизни страны.

То есть мы видим, что без присутствия властных политических органов (земство все-таки было не политическим органом — оно было органом местного самоуправления), от воли самодержавного государя, от его настроения, от его эмоций, зависит очень многое, и это, конечно, тоже недопустимо. Это для нас тоже очень большой опыт Великих реформ. Государь пытался (его убеждал граф Лорис-Меликов) создать некую форму законосовещательного представительства. Граф Толстой призывал к созданию какой-то формы соборного управления, скажем, законосовещательного собора или админис-

тративных комиссий, но это так и не пошло дальше проектов. А потом наступила гибель Александра II и эпоха контрреформ.

Но для нас очень важно, что системные реформы никогда, как многие любят сейчас говорить, не могут проводиться авторитарной властью. Может быть, не в первый момент, но очень скоро, необходимо обязательно создание публичного, общественного хотя бы тогда законосовещательного, а теперь уже, естественно, законодательного, реального свободного собрания. Потому что даже благая воля реформатора всегда наталкивается на массу фобий и неудач, которые человек в одиночку или с узкой группой советников практически никогда не может перенести. Он должен опираться на свободное общество, черпать в народе свои силы.

Великие реформы дают нам огромное количество опытов и положительных, и отрицательных, но главный опыт Великих реформ — это то, что реформировать такую страну, как Россия, в сторону все большего доверия к человеку, обществу, к отказу от убеждения, что «народ дурак», возможно и необходимо. Весь тот подъем России — экономический, культурный, политический, который произошел после 1905 года, вся деятельность, не столько советская, хотя конечно, С.С. Митрохин прав, что в советской науке тоже был излет старой русской науки, но в жизни нашей русской эмиграции, забытый парижский съезд 1926 года, все это, в принципе, было возможно только благодаря Великим реформам.

Я, наконец, вспоминаю рассказы моих предков, некоторые из них были крепостными крестьянами, и они вспоминали о том, что в их домах после Великих реформ рядом с иконами в красном углу висел портрет государя Александра II. И те русские либералы — генералы, бюрократы, — которые были недовольны контрреформами, демонстрировали свое недовольство двумя способами. В абсолютистской монархии нельзя было демонстрировать политическое недовольство, если вы не хотели расстаться с карьерой, но были два способа. Это ставить портрет Александра II в гостиной с личной подписью императора, если тебе его дарили, не стесняться этого, и носить бороду с бакенбардами а ля Александр II. Это был знак, с кем вы — с Александром III или с Александром II. Такая вот милая деталь.

Дорогие друзья, я еще раз бесконечно благодарю вас за ваше приглашение. Я надеюсь, что ваша эта инициатива, и ваша общественная деятельность, и ваша недавняя замечательная, Сергей Сергеевич, статья об Учредительном собрании, — все это ляжет основанием для обретения нового дыхания вашим политическим движением, которое во многом, я надеюсь, преобразит нашу Россию.

МЕДУШЕВСКИЙ Андрей Николаевич Профессор Высшей школы экономики

Я хотел бы связать Великую реформу и проблемы модернизации России на современном этапе и выдвинуть ряд тезисов для обсуждения и размышления по этому вопросу.

Первый мой тезис: в современном российском обществе, несомненно, существует раскол по вопросу о том, что такое модернизация, каковы должны быть ее параметры, цели и масштабы. Можно говорить о том, что модернизация определяется по идеологическому критерию. Тогда следует говорить о консервативной, либеральной и даже социалистической модернизации, хотя всем понятно, что ее опыт является скорее негативным, но, тем не менее, данное понятие присутствует в современной политической лексике. Можно говорить о модернизации с точки зрения того, происходит она внутри общества или осуществляется путем заимствования. Тогда надо различать эндогенную и экзогенную модернизации. Можно классифицировать модернизацию по отношению к праву: осуществляется она в правовых или не правовых формах, с сохранением или разрушением существующих правовых норм. И, наконец, еще одним важным критерием того, что такое модернизация, является когнитивно-информационный подход к этому понятию. С этой точки зрения, можно говорить о модернизации как создании новой картины мира, нового информационного пространства, или проведении ограниченных технологических изменений, которые осуществляются в рамках существующей системы понятий, в рамках существующей когнитивно-информационной схемы познавательной деятельности. Подходя с этих позиций к Великой реформе, ее следует рассматривать как пример радикальной модернизации, безусловно, либеральной, эндогенной, осуществляемой в правовых формах и создающей новую картину мира. Я думаю поэтому, что можно определить Великую реформу как настоящую революцию сверху. Это мой первый тезис.

Второй тезис — и здесь я согласен с концепцией, представленной в письме «ЯБЛОКА» — заключается в том, что Великая реформа — это пример успешной правовой модернизации традиционного об-

щества. Почему я так думаю? Каковы вообще критерии успеха реформы? Я вижу три таких основных критерия. Во-первых, это продуманная концепция реформ или философская идея, лежащая в основе реформ. Во-вторых, это осуществление преобразований на базе определенного социального консенсуса в расколотом обществе, закрепленного в праве. И, в-третьих, это радикальность изменений, то есть невозможность повернуть ситуацию вспять, когда реформа создает новое социальное качество. Я думаю, что эти три параметра, безусловно, присутствуют в Великой реформе.

Если говорить о философской идее, то эта была идея эволюции, концепция прогресса и умеренного либерализма. Теоретическую основу этой концепции составляла философия права Гегеля и государственной (юридической) школы, русской академической мысли, которая исходила из того, что суть реформ — это движение от социального общества, основанного на старой традиционной социальной иерархии, к гражданскому обществу и правовому государству. Эта концепция возникла на Западе, сформировалась в основном в Германии как антитеза Французской революции, и суть ее состояла в том, чтобы осуществить все цели революции, не используя, однако, ее средств, то есть избежать крушения общества, кровопролития, гражданской войны и диктатуры. И в этом смысле философская концепция Великой реформы, по-моему, сохраняет свое значение для нашего времени.

Если говорить о таком параметре, как сохранение консенсуса, то здесь очень важно, что реформа осуществлялась на правовой основе, без разрыва правовой преемственности. Манифест 19 февраля 1861 г. и Положения об освобождении крестьян включали следующие основные условия реформы: личная свобода крестьян, сохранение отношений собственности (тогда это была помещичья собственность), но одновременно — перераспределение земли в пользу крепостных крестьян — крестьяне получили усадьбы и полевые наделы за выкуп. Причем наделы эти были таковы, что им могли бы позавидовать современные крестьяне. Условия реформ также фиксировались правовым образом — в уставных грамотах, которые могли быть обсуждены сторонами с участием мировых посредников и, что особенно важно, обжалованы в губернских присутствиях по крестьянским делам.

Наконец, радикальность реформ. Я подчеркиваю, что реформа имела радикальный и необратимый характер. Крестьяне получали личную свободу без выкупа, что было, безусловно, революционным шагом, поскольку консерваторы выступали категорически против этого, видя в подобном решении ущемление прав собственности.

Удалось избежать революционного срыва и гражданской войны, такой гражданской войны, которая имела место как раз в это время в Соединенных Штатах Америки и на возможность которой надеялись Карл Маркс и Чернышевский в России. Результаты реформ сопоставимы, на мой взгляд, с результатами гражданской войны в Соединенных Штатах и с решениями Верховного суда США по 14 поправке, которая была принята по результатам гражданской войны в 1866 году. Эти решения ВС США радикально изменили юридическую трактовку таких понятий, как свобода, поскольку она стала интерпретироваться как личная свобода, а не свобода иметь рабов, и собственность — под собственностью стало пониматься только недвижимое имущество, но не люди, как было ранее.

Важный аспект реформ — это продуманная система обратной связи общества и государства. Что имеется в виду? Я хотел бы подчеркнуть, что были созданы новые институты, о которых здесь уже говорили. Это земская и городская реформы, вводившие самоуправление, судебная реформа, которая позволяла разрешать конфликты на бессословной основе: были отменены сословные суды, предполагавшие различие критериев оценок действий представителей тех или иных социальных групп. Военная реформа, изменившая армию также на бессословной основе, поскольку призыв стал осуществляться ото всех социальных слоев. Был создан механизм разрешения конфликтов правовыми методами. Здесь следует указать на местное самоуправление, состязательность правосудия, адвокатуру, институт мировых посредников, который активно действовал при составлении уставных грамот. Данный институт был особенно важен, поскольку крестьяне были неграмотны, поэтому мировыми посредниками были в основном представители правящего класса, дворянства, но, прежде всего — дворянской интеллигенции, как, например, Лев Толстой.

Создание единого штаба реформ — это то, что отличает научную концепцию реформ от ненаучной концепции, от импровизации. Здесь, конечно, очень большое значение имели Редакционные комиссии. Их первоначально было две, потом они были соединены в одну. Причем в основу создания Редакционных комиссий был положен смешанный принцип: в одной преобладали администраторы, в другой — представители гражданского общества, то есть интеллигенция, по существу, ученые — юристы, аграрники, социологи того времени. Этот штаб реформ — Редакционные комиссии под руководством Я.И. Ростовцева — активно вел работу по сбору и анализу информации, разрабатывал положения Великой реформы, осуществлял мониторинг политической ситуации, что было очень важно в

условиях нестабильности ситуации, обеспечивал единство воли и планомерность осуществления целей реформы. В конечном счете, в ходе реформ был достигнут компромисс между основными социальными силами того времени, участвовавшими в процессе преобразований: это дворянство, просвещенная бюрократия и либеральная интеллигенция. Реформы теоретически открывали путь выхода из авторитарной политической системы абсолютистского государства — сначала к дуалистической монархии в ограниченных конституционных формах, а затем, возможно, к парламентской монархии или республике.

Таким образом, Великая реформа — это едва ли не единственный в истории России пример успешной демократической модернизации традиционного общества, осуществляемой правовым путем, по плану, в соответствии с первоначальным замыслом и установленными сроками, а главное — с сохранением права собственности, социального консенсуса и правовой преемственности. Можно сказать, что это была своеобразная Программа «500 дней», реализованная в чистом виде.

Третий мой тезис заключается в констатации огромного социального значения Великой реформы 1861 года и последующих реформ 60-х годов XIX века, реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина начала XX века как продолжения логики Великих реформ. Это была, на мой взгляд, полноценная альтернатива аграрной революции в таких странах, как Россия, Китай, Мексика, других странах в XX веке. И, конечно, это была альтернатива последующим не правовым формам решения аграрного вопроса эсерами и большевиками, вообще леворадикальными партиями — в виде идеи «черного передела» (то есть стремления «отнять и поделить землю поровну»), либо в виде так называемой «социалистической национализации», которая на деле означала безвозмездное отчуждение земли у собственников, введение государственной собственности на землю и возрождение деспотических форм государственной власти в ходе, например, коллективизации 1928—1933 годов, а также попыток Коминтерна распространить эту экстенсивную форму на другие модернизирующиеся общества. Я хотел бы подчеркнуть этот момент, поскольку деятельность Коминтерна играла огромную роль, а ее последствия сказываются до настоящего времени в виде распространения мифа о возможности уравнительного распределения земли, реализации коллективистских представлений о справедливости, отрицании индивидуального творческого начала и многих других негативных явлений. Повсюду эти эксперименты вели к ретрадиционализации об-

щества, то есть к отказу от гражданского общества и правового государства, и, по существу, потерпели провал, как показывает опыт таких современных государств, как Китай, Вьетнам, другие страны Азии, многие государства Латинской Америки, да и всего мира.

Выход из ситуации аграрного кризиса в XX веке усматривался в переходе к авторитарной модернизации или реализации бонапартистской концепции реформ: соединения жесткой власти с гарантиями прав собственности. Здесь я хотел бы указать на примеры Наполеона III, Бисмарка, Столыпина в России. В какой-то мере это также ленинский НЭП, который, по существу, означал отход (возможно, тактический) от первоначальных коммунистических принципов. Это реформы Кемаля Ататюрка в Турции, Чан Кайши в Китае, Каррансы в Мексике и других реформаторов, действовавших в рамках бонапартистской парадигмы. Несмотря на авторитаризм данных режимов, принципиальное отличие этих реформ от коммунистических состояло в том, что они сохраняли правовую преемственность отношений собственности на землю. Более стабильных результатов удалось добиться в ходе аграрных реформ на правовой основе при активной поддержке государства, например в таких странах, как послевоенная Япония, Индия, ряд стран Латинской Америки XX в., когда сохранялись права собственности с одновременным перераспределением имущества, то есть земельного ресурса, путем выкупа земли государством и передачи этой земли крестьянам-фермерам — модель, которая предлагалась в России партией Конституционных демократов. Но, по существу, ведь эта модель повсюду была продолжением логики Великих реформ и, отчасти, развивавших их столыпинских аграрных реформ.

Мой четвертый тезис заключается в том, что стратегия модернизации и технологии проведения Великих реформ очень важны, сохраняют свое значение и могут быть использованы современными реформаторами. Каковы же эти стратегии? Это, конечно, решение вопроса о правовой преемственности, и разрыве этой преемственности. Очень важный момент, учитывая, что в России XX века радикальные изменения отношений собственности происходили три раза, то есть в 1917 г. (национализация земли), 1929 г. (сплошная коллективизация), и в 1993 г. (включение в Конституцию РФ положения о частной собственности на землю). Причем все три раза эти радикальные преобразования, фактически, революции в отношениях собственности, проходили с разрывом правовой преемственности. Антитезой неправовым преобразованиям выступают Великие реформы. Почему разрыв правовой преемственности опасен? Пото-

му, что он делает отношения собственности нестабильными и ставит под вопрос легитимность самого института собственности, что и имеет место в современной России.

Другой момент — это разделение во времени социальных и политических реформ. Мне представляется, что Великие реформы очень успешно решили этот вопрос, по крайней мере, на начальной стадии (я не имею в виду здесь фазу контрреформ). Существуют примеры обратного — когда соединение экономических, социальных и политических реформ воедино давало сбои. Так, в ходе перестройки все конфликты соединились в одном месте и в одно время, что стало одной из причин утраты управляемости, потери времени и, в конечном счете, конвульсивного распада Советского Союза. В этом случае реформы не были разделены во времени, что позволяло, теоретически, конечно, решать эти вопросы поэтапно, чтобы избежать единовременного срыва системы.

Далее, это соотношение реформ на макроуровне и микроуровне. Как должны проводиться реформы — в масштабе всей страны или в масштабе отдельных регионов? Мне представляется, что в ходе Великих реформ было достигнуто соединение этих двух направлений: на макроуровне вопрос об освобождении крестьян был решен Манифестом 19 февраля. На микроуровне он был решен приложенными к нему «Положениями», которые детально раскрывали механизм осуществления преобразований: как должны регулироваться вопросы передачи крестьянам земли на разных уровнях и в разных регионах страны, причем с учетом огромного количества научно обоснованных факторов. Это — социальные условия (учет положения разных групп крестьянства), география, почвы, климат, доходность, коммерческая цена земли и так далее.

Стратегии преобразований включали решение вопроса о привлечении общества к реформам. Здесь справедливо отмечалось, что в истории России мы видим ряд основных моделей модернизации. Одна из них — авторитарная модель, которая была представлена петровскими реформами и сталинской «революцией сверху», хотя я и не стал бы ставить их на одну доску, поскольку петровские реформы определялись западным вектором развития и открывали страну мировым процессам, а сталинские реформы, напротив, были в существенной мере ретрадиционализацией общества и вели к полной его информационной изоляции от внешнего мира. Тем не менее, авторитарная составляющая присутствовала в обоих случаях как основной инструмент модернизации. Другой тип модернизации — это спонтанная модернизация снизу, то, что называется аграрной рево-

люцией. Конечно, — это модернизация также в относительном смысле, поскольку, как мы видели, она ведет к ретрадиционализации, откату от гражданского общества и правового государства. И, наконец, существует третий тип, когда реформы производятся при активном участии государственной власти, администрации, с опорой на активную часть общества — не на все общество, которое стабильно пребывает в апатии, а именно на его мыслящую часть в виде интеллигенции, дальновидной части правящего класса и просвещенной бюрократии.

Все три модели модернизации, которые представлены в истории страны, имеют, конечно, свои преимущества и недостатки. Преимущество авторитарной модели в том, что реформы можно осуществить быстро и радикально, не считаясь с оппозицией и ценой преобразований. Преимущество спонтанного развития событий состоит в том, что реализуются, как у нас принято было говорить, «чаяния народных масс» — наивные коллективистские представления о справедливости. Однако оба этих крайних вектора — авторитарный и революционный — имеют существенные недостатки. Недостаток авторитарного вектора состоит в том, что реформы оказываются неустойчивыми и быстро блокируются последующими контрреформами, что ведет к росту инерционности системы — стагнации или «застою». Что касается спонтанного аграрного взрыва, то он ведет к популизму, непрофессионализму, и, в конечном счете, содержит угрозу утраты тех целей преобразований, которые изначально декларировались революционными вождями. В этом смысле предпочтительнее именно идея Великой реформы, которая заключалась в том, чтобы, отказавшись от крайностей авторитаризма и популизма, принять модель умеренных преобразований. Они оказываются более успешными в длительной перспективе и соответствуют концепции устойчивого социально-экономического развития страны.

Важный самостоятельный момент — это планомерность реформ, их научная обоснованность, которая выражалась в определении соотношения целей и средств. Причем эти средства, эти ресурсы калькулировались на уровне бюджета, в него закладывались трудности, которые необходимо преодолеть, например, при осуществлении выкупной операции. Фактически была представлена «дорожная карта» проведения реформ. Это и является основой легитимности, предсказуемости и устойчивости процесса преобразования. Насколько противоречивыми, непоследовательными и неэффективными кажутся на фоне Великой реформы попытки преобразований советского и даже постсоветского периода!

Я хотел бы специально подчеркнуть важность технологий, которые были использованы в ходе Великих реформ. Эти технологии, по моему, сохраняют значение до настоящего времени и, может быть, даже становятся более актуальными на современном этапе. Прежде всего — введение в общественное сознание новых основ легитимности земельного права, вопрос о десакрализации земли и полноценное включение ее в коммерческий оборот, что до сих пор не достигнуто. Данная проблема получила глубокое осмысление в период Великой реформы, с возникновением так называемого правового дуализма — конфликта государственного права и крестьянского или обычного права. В основе этого конфликта было и остается фундаментальное противоречие между позитивным правом и представлениями основной массы населения о справедливости. Конфликт этот сохраняется и сейчас. Как мы знаем, с принятием Земельного кодекса 2001 года процессы коммерциализации земельного ресурса получили правовое обеспечение, но значительная часть населения по-прежнему отторгает представление о земле как о коммерческой ценности.

Разделение формально-правовой и реальной характеристики традиционных институтов.

Это очень важно для успешного проведения реформ, потому что правовая форма институтов является более консервативной, чем социальная практика. Реальность часто опережает норму. Можно осуществлять важные социальные изменения при сохранении традиционных правовых форм. Именно это и было продемонстрировано в ходе Великой реформы в интерпретации такого института, как крепостное право. Ученые того времени показали, что крепостное право в силу неопределенности его исторического возникновения можно было интерпретировать двояким образом. С одной стороны — как крепость крестьянина помещику, и тогда это основа, по существу, рабства (близкого к его римской интерпретации). Или — как крепость крестьянина земле, и тогда это основа превращения крестьян в полноценных земельных собственников. Принятие второй модели открывало путь освобождению крестьян с землей и осуществлению этого с сохранением правовой преемственности. Таким образом, различная этимологическая и историческая трактовка одного института — крепостного права — вела к противоположным векторам реформы.

Были разработаны концепции переходного периода: сознательное поддержание социального компромисса путем создания резервированных зон для определенных территорий или частей населе-

ния. Я имею в виду такие институты, как сохранение общины, выкупной операции, введение моратория на сделки купли-продажи крестьянской земли. Некоторые современные исследователи полагают, что подобные исключения из общего правила (как сохранение общины) было ошибкой. Я думаю, что это было научно обоснованной стратегией, заключающейся в том, чтобы избежать социального хаоса, потери управляемости и обеспечить прогнозируемый вектор социальных преобразований на будущее. Сохранение крестьянской общины было важно в пореформенный период, что отнюдь не исключало последующей трансформации данного института. Именно так понимали эту проблему Витте и Столыпин, усматривавшие в отмене общины логическое продолжение Великой реформы в новых условиях.

Либеральные и экономические реформы соединялись с жестким подавлением революционного экстремизма в силу государственной монополии на легитимное насилие. В условиях Великих реформ это осуществлялось в рамках политического курса «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова. Однако сегодня, в условиях борьбы с экстремизмом, данный подход сохраняет свое значение: в условиях реформ неизбежно возникает существенная социальная дестабилизация; это ведет к популизму, которым пользуются партии экстремистской направленности и не для того, чтобы ускорить реформы, а для того, чтобы остановить их или даже повернуть развитие вспять. Следовательно, необходимы технологии борьбы с экстремизмом, применяемые параллельно с поступательным движением реформ. Соединить эти два направления очень трудно, но в этом и состоит искусство реформаторов.

Решение проблемы лидерства в расколотом обществе является важным условием последовательности курса реформ и избежания контрреформ. К сожалению, этого не удалось сделать в полной мере в период Великой реформы, которая сменилась контрреформами, поставившими страну на грань катастрофы. Контрреформы в условиях неустойчивого равновесия оказываются очень деструктивным фактором не только для судьбы реформ, но и для процесса модернизации в целом.

И, наконец, мой последний, пятый тезис — об актуальных задачах российской модернизации в контексте тех дискуссий, которые идут у нас сегодня. Я имею в виду, в частности, некоторые идеи, прозвучавшие в период обсуждения проекта «Сколково». Идея создания новой рационалистической модели экономики, своего рода новой Утопии, нового Города Солнца, заставляет поставить вопрос о мас-

штабах реформ и ряд общих вопросов, которые объединяют проблемы современной модернизации с проблемами модернизации периода Великих реформ.

Идет ли речь о модернизации в социальном или исключительно в техническом ее понимании? Распространяется новое законодательство на всю страну или только на один анклав с особой правовой зоной, нечто вроде Немецкой слободы? Предполагается ли опора на внутренние ресурсы, то есть эндогенная модернизация, или внешние заимствования — экзогенная модернизация? Имеется в виду долгосрочная стратегия или реализация очередного национального проекта с фиксированными сроками? Как будут решаться проблемы собственности — на основе внутреннего права или международного права? И как в этом случае будут разрешаться конфликты между собственниками? Должна ли стать мотором процесса вся активная часть общества или исключительно просвещенная бюрократия и привлекаемые ею специалисты? И, наконец, как будет выглядеть решение вопроса соотношения права и справедливости, традиций и эффективности, и не приведет ли это, в конечном счете, к созданию нового правового дуализма и к росту революционного популизма?

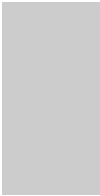
Второй важный вопрос или важная группа вопросов — это реакция общества на реформы и избранные методы их проведения. Здесь необходимо решить следующие проблемы. Как быть с сопутствующим реформам ростом социального расслоения и даже с элементарной завистью, которая часто рядится в формы классовой борьбы? Как в таком случае обеспечить социальную стабильность в расколотом обществе, если не на 20 лет, о которых мечтал Столыпин, то хотя бы на 10 лет? Будет ли реформа осуществляться с подключением механизмов спонтанной самоорганизации, то есть с участием гражданского общества или его представителей, или исключительно сверху, в традициях российской авторитарной модернизации? И не разделит ли в таком случае ее судьба судьба петровской крепостной мануфактуры или «строек социализма»?

Третий и самый главный вопрос — это вектор современной модернизации. Иницируются ли процессы социальной и политической модернизации в направлении гражданского общества и правового государства или она остановится на традиционной концепции мнимого конституционализма? Наконец, может быть, это прозвучит риторическим вопросом, но я хотел бы его поставить: найдется ли в современном государственном аппарате слой профессиональных управленцев, способных поставить интересы государства выше стремления к материальному и карьерному благополучию? Удастся

ли сохранить преемственность курса реформ или они в очередной раз станут жертвой контрреформ, осуществляемых под привычными лозунгами державности и официального патриотизма?

Итог этого сравнения мобилизует волю к преобразованиям. Эволюционный путь становления гражданского общества и правового государства в России, к сожалению, не реализовался в XIX—XX веках. Возможно, более успешным окажется XXI век, хотелось бы в это верить. Если России суждено совершить успешную модернизацию, то, очевидно, что ее руководящие идеи будут опираться на достижения, опыт и результаты Великой реформы.

И самое последнее: присоединяюсь к поддержке объявления дня 19 февраля праздником или днем национальной памяти. Считаю, что это очень важно для поддержания лучших исторических традиций, воспитания молодого поколения в либеральных ценностях и вообще для обретения Россией подлинной национальной идентичности в современном мире.

НИКУЛИН Александр Михайлович **Директор Центра аграрных исследований** **Российской академии народного хозяйства** **и государственной службы**

Мне бы хотелось, для начала, остановиться на нескольких особенностях того праздника, который мы с вами сегодня отмечаем.

Первое — это актуальность памятной даты. К сожалению, память об отмене крепостного права по-прежнему остается актуальной и в современной России. Мне пришлось участвовать и еще предстоит участвовать в ряде конференций, которые проводят практически все наши академические учреждения в связи с отменой крепостного права, идет планирование, идет обсуждение докладов, тем. И на одном из таких мероприятий, планировании очень большой конференции посвященной 150-летию реформы, представителя одного из министерств спросили: «А там, наверху, в Кремле собираются официально тоже праздновать? Потому что, по крайней мере, академический мир и общественность широко отмечают это событие?». На что последовал ответ: «Да нет. Мы задавали этот вопрос, но нам ответили шуткой: «Вы что собираетесь праздновать? Отмена крепостного права: вчера, сегодня, завтра?»».

Второе, современный анекдот, о том, как выходит президент встречаться с представителями большого бизнеса и говорит: «Ну что, банки мы приватизировали, землю приватизировали, теперь надо и о людях подумать». А кто-то из собрания тянет руку и кричит: «Да мы уж между собой тут обсудили: для начала по три тысячи крепостных нам хватит!»

Итак, отмена крепостного права это действительно тревожный праздник — за свободу надо бороться, о свободе надо помнить. И мы знаем, что в истории России были времена не только раскрепощения, но и закрепощения, которые периодически повторялись. И одна из самых радикальных, революционных, рациональных партий, партия большевиков, задумавшая грандиозный проект достижения свободы, рационального, разумного обустройства человеческой жизни сначала в России, а потом и во всем мире, она, в общем-то, по

иронии злой судьбы переименовалась словами крестьян во время коллективизации в ВКП(б) — «Второе крепостное право большевиков». Собственно говоря, и ТКП, напомним, что это аббревиатура Трудовой Крестьянской Партии реально или легендарно противостоявшей сталинской коллективизации в 1920-1930-е годы, угроза того, что по иронии судьбы может возникнуть и ТКП — третье крепостное право, это ощущение у меня, например, остается. Потому что, по России сейчас идет гигантская, спекулятивная концентрация земли под контролем олигархических агрокорпораций. Последствия этого процесса могут быть самыми неожиданными. Поэтому еще раз подчеркну, как никогда актуально вспомнить о празднике освобождения широких народных масс России, вызванном Манифестом 19 февраля 1861 года.

Теперь — непосредственно уже обращаясь к истории и реформам. Я тут как раз перечитал сам Манифест Александра II. Он, конечно, производит громадное впечатление. Составители его — власти соответственно светские и духовные (митрополит Филарет также приложил руку к отделке этого документа), в общем-то, достойны великой русской литературы. Манифест, безусловно, великолепное литературное произведение. И, как положено произведению русской литературы, Манифест основан на нравственных составляющих, прежде всего, на двух великих нравственных составляющих. Одна из них — это историческая преемственность. Вот, помните у Пушкина, умирающий Борис Годунов говорит своему сыну: «Не нарушай течения дел. Привычка — душа держав». Так вот, Манифест, обращенный к народу, говорит, что мы пошли на этот шаг, прежде всего, исходя из исторической преемственности и традиций русского народа, русской державы. И Александр пишет в Манифесте, что и наш дедушка Александр I, и наш батюшка Николай I думали о том, как отменить крепостное право, у них не получилось, и теперь провидение вверяет нам эту задачу — отменить крепостное право. Это звучит постоянно, как рефрен. Это Великая реформа, это революция сверху, но она преемственна, она присуща духу народа и страны.

Второе. В наш циничный век это все очень странно. Александр в своем Манифесте толкует о нравственности и безнравственности, говорит о том, что крепостное право — безнравственно, темное пятно на России, его необходимо — именно потому, что это безнравственно, — отменить. Далее в Манифесте говорится, что процесс будет трудный, что необходимо терпение. Александр увещевает основные классы, а их два — это дворянство и крестьянство. Александр

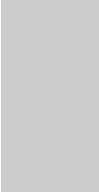
призывает крестьян и дворян к терпению, заранее их благодарит: дворян за то, что они согласились на то, чтобы произошли эти реформы, крестьян — за то, что они наконец-то дождалась этого дня, но чтобы они были готовы к тому, что моментально освобождение не произойдет, и когда они, крестьяне, внимательно прочитают этот Манифест, возможно, они будут недовольны. Все это можно вычитать в Манифесте 19 февраля. Это очень мудро составленный документ, который призывает к терпению основные сословия и классы России и выражает надежду на то, что провидение реформированную Россию не оставит, и что отмена крепостного права и обретение свободы крепостными крестьянами будут способствовать процветанию России.

Здесь уже много правильных слов говорилось о том, что реформы принесли коренное обновление в мироустройство, жизнеустройство России, что, конечно же, реформы необходимо воспринимать как комплексные меры, и что следовавшие затем судебная реформа и земская реформа, и военная реформа во многом предопределили успешное развитие пореформенной России. Тем не менее, мы должны задаться вопросом: несмотря на такие многообещающие начальные шаги — почему по большому счету реформы все-таки не удались? Почему после 1861 года, все-таки, настал год 1917?!

На мой взгляд, были также две роковых составляющих хода реформ — в данном случае мы говорим в целом о царствовании Александра II — это циклическая непоследовательность в их осуществлении. То есть, если в 1860 годы действительно общество приходит в движение, предпринимается целая серия реформ, то более поздний период царствования Александра II ознаменовался целым рядом консервативных шагов. И здесь-то именно стали нарастать процессы поляризации: с одной стороны — между консервативной стороной общества, а с другой стороны — между ее революционной частью, в итоге приведшей и к ужасному взрыву, унесшему жизнь Александра II.

Второе- это значение политической реформы освобождения для всей страны. Много чего реформировали преобразования царя Александра II, но они не затронули (вот говорят, чуть-чуть Царь не успел — погиб, а Лорис-Меликов ему будто даже подготовил проект конституции...) собственно говоря, всю систему. А система-то была самодержавная. И мне представляется, самое краткое и точное определение самодержавия дал Александр Иванович Герцен, который сказал: «Ведь у нас самодержавие — это значит, что у нас все само по себе держится». И когда произносишь эти слова Герцена, все тоже

говорят «ой, как актуально!», — ведь и про наши времена это говорится. Вот эта вертикаль самодержавной власти, которую в 1860-е, 1870-е и в последующие годы никто не отменял, и последний царь Николай II все держался за нее... Станным образом, парадоксальным образом, эта вертикаль самодержавия реконструировалась и модернизировалась в советское время и грозит воспроизвестись в постсоветское время.

РЯБОВ Андрей Виленович

Член Научного Совета Центра Карнеги

Я хотел бы начать свое короткое выступление с благодарности партии «ЯБЛОКО», которая пытается в современную политическую дискуссию вводить профессиональных историков. Это очень важно, потому что, к сожалению, болезнь нашего общества, и не только нашего — это болезнь переходных обществ, состоит в том, что по историческим темам, имеющим политическое измерение, главным образом, выступают люди, имеющие чрезвычайно далекое отношение к профессиональным знаниям по истории. Я, хотя по образованию историк, уже давно не принадлежу к этой славной профессиональной корпорации. Поэтому позволю себе несколько иной взгляд на обсуждаемую тему — с точки зрения современной российской политики, точнее, попытаюсь порассуждать о значении, которое может иметь 150-летие отмены крепостного права в России для нынешнего политического процесса, и какие тенденции и явления эта дата позволяет глубже понять.

Мне кажется, что разговор об исторических датах в контексте современной политической жизни России желательно начать с упоминания такого феномена последнего десятилетия, проявившегося в разных государствах, и обществах, имеющих проблемы с легитимностью или испытывающих серьезное внутреннее напряжение. Я имею в виду феномен исторической политики. Она имеет весьма отдаленное отношение к истории, к историческому знанию, которое является, скорее, объектом интерпретаций, манипуляций и материалом для создания массовых стереотипов общественного мнения с целью легитимации той или иной политики, политической группы или партии, стоящей у власти.

Наверное, было бы преувеличением утверждать, что феномен исторической политики уже сложился в современной России в неких законченных формах, как, например, в Польше в период президентства Леха Качиньского. Скорее всего, мы имеем дело с устоявшимися подходами, определяющими отношение российской власти к использованию истории в политических целях. В рамках этих подхо-

дов русская история интерпретируется как борьба двух начал: государства, несущего порядок и организацию в социальную жизнь, и хаоса, разрушения. При этом государство может позволить себе быть неэффективным, несправедливым, но безальтернативным, поскольку единственной альтернативой ему является только хаос, который порождает кровавые гражданские войны и массовую гибель людей. Строго говоря, вся парадигма русской истории туда и умещается.

Почему понимание этого феномена так важно? Насколько я помню, последнее проявление исторической политики в нашей стране было в феврале 2007 года в связи с 90-летием Февральской революции. Именно тогда миллионным тиражом вышла брошюра с известной статьей Александра Солженицына о Февральской революции. Эта публикация была призвана убедить российских граждан, что непомерные амбиции русских либералов начала XX века привели страну к краху и хаосу. Юбилей Февральской революции сопровождался выходом художественных и научно-популярных фильмов, широко показывавшихся по национальному телевидению. В них главными героями выступали офицеры, сотрудники тогдашних спецслужб Российской империи, отчаянно пытавшихся предотвратить развал государства, который пытались осуществить как либералы, так и большевики. Причем и те, и другие действовали в интересах иностранных государств, при их финансовой поддержке: Германии (большевики) и государств Антанты (либералы).

Такое событие, как отмена крепостного права, не вмещается в данную парадигму понимания истории. Оно для нее явно лишнее, поскольку показывает возможную, не реализовавшуюся до конца, но все-таки альтернативу российской истории. Не случайно, все памятники Александру II — Царю-Освободителю — были сломаны в советской России. Вот памятник консервативному самодержцу, каким был Александр III, сохранился, а Царю-Освободителю — нет. Не вмещается его деятельность в парадигму, в которой только два полюса — жестко контролирующее своих подданных государство и хаос. С этой точки зрения получается, что Александр II со всеми своими либеральными реформами, колебаниями, переходами от одних периодов правления к другим, явно «чужой» для русской истории. И альтернативу он представляет собой плохую, не ту, что надо, поскольку она явно была нацелена на то, чтобы привнести на русскую почву либеральные плоды Западной цивилизации — личные свободы, независимые суды, автономию университетов, выборное самоуправление и многое другое. Разумеется, не следует забывать, что политика реализации этих целей в царствование Александра II носила

ограниченный и непоследовательный характер, несла на себе печать компромисса с консервативными кругами дворянства и бюрократии. Но даже в этом варианте она явно не соответствовала «единственно возможной прогрессивной» линии российской истории, направленной на укрепление моноцентричной власти и расширение государственного контроля над всеми сферами социальной жизни.

Что из всего этого вытекает, исходя из целей и задач гражданского общества? Мне представляется, что гражданское общество, некоммерческие организации, политические партии должны стремиться к тому, чтобы выработать и предложить обществу свое, альтернативное понимание отечественной истории. И в структуре такого понимания особое место нужно отвести отмене крепостного права в России, одному из самых выдающихся событий российской истории, которое обозначило возможность и для России, двигаться по универсалистскому пути капиталистического развития. Других реальных альтернатив человечество еще не придумало. Это действительно очень важная задача, требующая сосредоточения сил не только профессиональных историков, но и тех, кто будет транслировать их непредвзятые взгляды в общественное мнение — журналистов, деятелей культуры, гражданских активистов. На этом фоне упоминавшаяся равнодушная реакция некоего высокопоставленного чиновника на юбилей отмены крепостного права понятна: из этой даты ничего не выжмешь для пропаганды сильного государства и единоличной власти.

Второй мой тезис, возможно, прозвучит слишком вычурно, нарочито. В общем и целом он связан с мыслями о направленности исторического прогресса, которые возникают в связи со 150-летием отмены крепостного права. Александр Михайлович Никулин, думается, не случайно вспомнил современный анекдот про чиновников, которые хотели бы попросить у губернатора несколько десятков душ крепостных. Слишком много в нашей современной жизни стало реминисценций из феодальной эпохи. В 2008 году я написал небольшую брошюру, во многом под впечатлением антиутопий нашего выдающегося современного писателя Владимира Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль». Речь в ней шла о возрождении элементов феодальной архаики в современной России. Понимание этой архаики именно как феодальной по своей природе можно интерпретировать с точки зрения различных концепций феодализма. Ибо феодализм как общественный строй, и это хорошо известно, предполагает не только привязку к неким технико-технологическим стадиям развития общества, к аграрному быту, как это делалось в тра-

диции советского марксизма-ленинизма, но и означает определенный политико-юридический порядок.

В этой связи можно выделить три важнейших элемента феодальной архаики в современной России. Первое — это фактическое отрицание равенства граждан перед законом, возвращение к сословному праву. Здесь уместно вспомнить прекрасное определение Маркса о том, что феодальное государство знает два только права — кулачное и право-привилегию. Первое обеспечивается силовыми ведомствами, а второе — непосредственно властями, создающими для тех или иных социальных акторов эксклюзивные правовые решения. Второе — это клиентелистский характер властных отношений, где ключевым элементом становится условное владение собственностью за службу сюзерену. Не государству, нет, а сюзерену, непосредственному боссу. Служишь ему — имеешь бизнес, а если «его уходят» или ты не вписался в новый расклад интересов — будь любезен, передай актив тому, кого тебе «порекомендуют». И, наконец, третье — это возрождение латифундизма, чему мы стали свидетелями в истории со станицей Куцевская (а таких примеров немало по всей стране). Порядки, устанавливаемые в подобных латифундиях, очень сильно смахивают на эпоху, описанную в классическом труде Василия Ивановича Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II». Все эти явления выглядят явным диссонансом такому событию, как отмена крепостного права, которое как раз обозначило иной вектор развития России: ее постепенный уход от феодализма и феодальных отношений в сторону капиталистических порядков и рынка. На фоне отмены крепостного права все эти сословно — мигалочные привилегии, отъемы бизнеса, потому что кому-то так захотелось, латифундии с барщиной выглядят давно прошедшим временем. Это тревожный симптом, что Россия движется не в сторону модернизации, а в обратном направлении — регресса и архаизации. И это еще одна причина, по которой нужно объявлять день отмены крепостного права памятной датой и разъяснять обществу ее значение для отечественной истории.

Третий комментарий, который мне хотелось бы сделать, касается понятия реформ. Как известно, отмена крепостного права не только сама по себе была основополагающей реформой, но и потому, что открыла эпоху других великих реформ, изменивших облик России. К сожалению, в современной России понятие реформ, в том числе и на официальном уровне, трактуется как-то однозначно. С некоторых пор под реформами принято понимать политику по минимизации социальной ответственности государства и перекладывание ее

на плечи населения. Находятся и на Западе наивные простачки, которые называют такой курс реформаторским. На самом деле, такого рода «реформы» отражают стремление правящих постсоветских элит лучше адаптироваться к эпохе сократившихся ресурсов — сделать это за счет населения при полном сохранении своих привилегий в виде монополизма, ограничений политической конкуренции, доступа к источникам различной ренты. В таком контексте минимизация государства является удобным лозунгом, позаимствованным у западных либералов, который призван прикрыть стремление к сохранению постсоветского, рентного капитализма.

В этой связи сейчас было бы очень полезно вспомнить опыт стран, которые сейчас оказались в фокусе общественного внимания из-за происходящих там бурных революционных событий. Я имею в виду страны Магриба, где сейчас происходят массовые волнения и смена долголетних авторитарных режимов. Сейчас практически не вспоминают о том, что путь их к нынешним катаклизмам начался именно с такого рода реформ — с сокращения госсектора и социальных расходов в странах, ранее придерживавшихся различных моделей «арабского социализма» — Египте, Тунисе, Алжире. И также наивные простачки на Западе приветствовали эти реформы, чуть ли ни как либеральные, забыв, что для этого они должны были соответствовать трем условиям. А именно: быть прозрачными, второе — находиться под общественным контролем, и третье — осуществляться в конкурентной среде и быть нацеленными на ее укрепление. Но ни того, ни другого, ни третьего в арабских странах сделано не было. Зато появились богатейшие президентские кланы, взявшие под себя ключевые активы национальных экономик, и бедное, бесправное население, самодеятельность которого ограничивалась. В итоге все и завершилось нынешними революционными событиями.

Если под современными российскими реформами мы понимаем «преобразования» именно такого типа, то, по большому счету, их надо называть по иному. Это оптимизация системы в ответ на новые вызовы. На этом фоне отмена крепостного права — это подлинная реформа, при всех ее сложностях, противоречиях и ограниченности, потому что она открывала путь к формированию общества нового типа. А нынешние российские реформы ориентированы лишь на то, чтобы удержать власть и собственность в руках тех, у кого она сейчас.

И, наконец, последний, четвертый тезис связан с популярной ныне тематикой авторитарной модернизации. Она также часто упоминается, хотя, на мой взгляд, и не совсем корректно, в связи с отменой

крепостного права в России. Дело в том, что великие реформы 60-70-х годов XIX века постепенно обозначали выход страны за пределы авторитарной модернизации. К сожалению, в 80-е годы этот процесс был прерван. Но вернемся к сегодняшней полемике вокруг авторитарной модернизации. Обычно главное возражение против возможности осуществления авторитарной модернизации в современной России, заключается в том, что эта модель оказалась успешной в странах, переходивших от аграрных обществ к раннеиндустриальным, где-то, может быть, — к позднеиндустриальным. Что касается превращения индустриальных обществ во что-то иное, более современное, то таких примеров не было, за исключением весьма специфического маленького государства Сингапур, которое не может служить моделью для других стран, в том числе и России.

Но я хотел бы обратить внимание на другую причину, не позволяющую провести успешную авторитарную модернизацию в современной России. Сегодня у нас нет самостоятельной политической элиты, которая и должна выдвигать и реализовывать стратегии модернизации, потому что она поглощена бюрократической элитой, рекрутируется из нее. А авторитарная модернизация возможна там, где институты власти и собственности разделены. И, кстати, именно поэтому она успешно осуществляется в современном Китае, где правящую компартию удалось отделить от государства с его бюрократией. Там политическая элита автономна по отношению к бюрократии. А нам на нашем отечественном опыте почему-то кажется, что эта политическая элита и есть высшая бюрократия. На самом деле в современных обществах это разные группы элит, они и формируются по различным каналам. В странах, где как в современной России, политическая и бюрократическая элиты не разделены, проведение авторитарной модернизации сродни задаче, которую ставил перед собой барон Мюнхгаузен: пытаться вытащить себя за волосы из болота. Но в политике это заведомо не реализуемая задача по определению. Поэтому проведение авторитарной модернизации в нынешней России является утопическим проектом. В сравнении с ним опыт реформы 1861 года представляется очень интересным, поскольку тогдашняя политическая элита имела значительную степень автономии и от бюрократии, и от помещиков, которые обладали весьма архаичными представлениями об окружающих социальных реалиях. И именно наличие этой автономности, дававшей пространство для инициативы и маневров, позволило успешно начать авторитарную модернизацию, которая по мере углубления преобразований начала постепенно трансформироваться в

иную модернизацию, где акторами выступают не только власть, но и различные социальные группы, не всегда привилегированные. При слиянии института власти и собственности можно говорить только об имитации авторитарной модернизации, когда авторитаризм получается, а модернизация нет.

ДАВЫДОВ Михаил Абрамович

Профессор РГГУ

Я, безусловно, поддерживаю прекрасную идею увековечить день 19 февраля, который действительно имеет все основания быть праздничным для всей страны. Беда только в том, что значения этого дня, значения Великих реформ не оценили и не поняли ни множество современников, ни, тем более, потомков.

Сначала я хотел бы как историк высказать некоторые соображения относительно предыстории реформ. Не могу согласиться с тем, что, если бы не было отменено крепостное право, в конце 1860-х годов Россию ожидала бы революция. Боюсь, это натяжка. Надо хорошо понимать, что главным двигателем реформ был сам Александр II. При этом позиция, которую он занимал по крестьянскому вопросу до 1853 г. и после 1856 г. едва ли были идентичными. Между этими датами легла тень Крымской войны. Если его отец сумел осознать то, что произошло, понятно, что у Александра II было больше для этого оснований. Конечно, до какой-то степени «короля играет свита» — было воздействие друзей, окружения, однако его не нужно преувеличивать. Мужчины, вообще говоря, не имели на него заметного влияния. То есть, если бы не мужество и воля Александра II, светлая, мужественная воля, конечно, ничего бы не произошло, ровно потому что ликвидация крепостного права отнюдь не была жестко детерминирована Парижским миром 1856 г.

Пункт первый: вопрос о кризисе крепостнического хозяйства историками как минимум не решен. На самом деле, мы видим, что после войны с Наполеоном, за полтора прошедших до 1861 г. царствования основные валовые показатели производства, экономического развития растут, они не показывают этого кризиса. Есть не до конца понятная ситуация с замедлением рождаемости, но здесь и демографы не сказали своего последнего слова. То есть Россия развивалась. И надо сказать, что 200-летие крепостного права в 1849 году Империя встретила в очень комфортном положении. Только что она подавила Венгерскую революцию (и изменила ход мировой исто-

рии). Под ружьем стоял примерно миллион штыков. Внешне все было хорошо. Если бы не Крымская война, то совершенно неизвестно, когда бы к верховной власти пришло осознание неотложной необходимости перемен.

Но — пункт второй — даже и после Крымской войны — необходимость отмены крепостного права была очевидна лишь меньшинству общества. Здесь есть четкие индикаторы. Например, декабрист Н.В. Басаргин, который был адъютантом знаменитого П.Д. Киселева, писал, уже вернувшись из Сибири, что в «наши» годы примерно 5% дворян, людей общества, понимали, что нужно освобождать крестьян, сейчас — уже, наверное, треть. Треть — это уже после падения Севастополя и Парижского мира! Так что уровень сопротивления дворянства, который нужно было преодолевать Александру II — реформатору, был очень серьезным. Это было не очень понятно и современникам, и уж тем более не интересно потомкам.

Я солидарен с теми историками, которые считают, что, не будь твердой решимости императора ликвидировать крепостное право, оно могло бы спокойно простоять и 10 лет, и 20 лет. Когда говорят о «невиданном» росте крестьянских «восстаний», то это, поверьте, просто смешно — речь идет о нескольких сотых процента от 330-350 тысяч сельских поселений России середины XIX века.

Так что речь шла о другом. Власть наконец-то осознала, что между научно-техническими достижениями Запада и правовым режимом в стране есть прямая связь. Петр этого в конце XVII — начале XVIII века не понимал, и было бы странно, если бы понимал. А вот Александру II в середине XIX века было уже ясно, что на крепостной мануфактуре ни паровоза, ни парохода не построить. Настало другое время, другой век.

И ясно, что крепостное право стало первой и главной в той серии масштабных реформ, которые мы наблюдаем в 1860-х и, в сущности, вплоть до конца 1870 годов, считая, что армия реформировалась вплоть до гибели Александра II.

Я хотел бы привести слова знаменитого Бориса Николаевича Чичерина, одного из самых мудрых людей России XIX века, которыми он характеризует значение преобразований, о которых мы говорим: «Положение 19 февраля есть величайший законодательный памятник русской истории. Оно делает честь тому народу, среди которого оно создано. Это не было простое подражание иностранным образцам, усвоение того, что было выработано другими. Оно вытекло из самой русской жизни, почему и предложение его не встретило препятствий. Страна, которая совершила у себя пре-

образования такого масштаба, заслуживает уважения, как современников, так и потомства. А имя царя, который его исполнил, останется благословенным вовеки». Чичерин был не сентиментальным человеком, и вот тот пафос, который звучит в этих словах, показывает меру его истинного отношения, восхищения тем, что было сделано Александром II.

Я хотел бы развить тему относительной неудачи задуманного и декларированного 19 февраля.

Стержень реформы состоял в том, что по завершении выкупа 23 миллиона крепостных должны были получить права мелких собственников (более того, они могли выкупленную землю собрать воедино, получить «отруб» или «хутор»). И роковое, на мой взгляд, значение, для судеб русской деревни и судеб России вообще имело то, что эта главная идея Манифеста и Положения 19 февраля с течением времени ушла даже не на второй план, а просто в тень. Всю полноту гражданских прав — прежде всего, право собственности на выкупаемую землю, крестьяне должны были обрести по завершении выкупной операции. До этого времени землей распоряжалась община. Сделано это было, прежде всего, в целях фискально-полицейских. То есть крестьяне, сразу освобожденные от крепостной зависимости, ограничивались — до выкупа — в праве распоряжения землей. Однако как-то незаметно эти временные ограничения стали постоянными, и это очень важный момент, который, как мне кажется, позволяет нам глубже посмотреть на причины того, что потенциал реформы не был реализован полностью. Целью правительства вместо трансформации крестьянства в класс мелких собственников своей земли стало — при полном одобрении общества — сохранение уравнительно — предельной общины.

Я хотел бы обратить внимание присутствующих на крепостническую составляющую мышления российского образованного класса. Под словом интеллигенция я, как это и имелось в виду 100 лет назад, подразумеваю достаточно узкий круг людей, политически активных или политизированных. Все остальные — это образованный класс. Крепостническое мышление было свойственно почти всем русским людям, в том числе и представителям образованного класса, как бюрократам, так и всем тем, кто умел читать — они родились, выросли и воспитались в системе мышления, рожденной веками крепостничества и, как мне кажется, иначе, чем в этой системе, жизнь оценивать не могли.

Первый пункт здесь — отношение к крестьянам как к особой породе людей. С.Ю. Витте говорит в воспоминаниях, что на крестьян-

ское население установился взгляд, что они полудети, которых следует опекать, но только в смысле их поведения и развития, или, в нынешней стилистике — люди второго сорта.

В силу этого подхода привычка командовать крестьянами никуда не исчезла ни из голов бюрократов (просвещенных или нет — не очень важно), ни из голов интеллигенции и образованного класса в целом. И это самое неприятное, с чем сталкиваешься, когда пытаешься разобрать ситуацию. Они считали общину национальной особенностью России (хотя с историей это не согласовалось, что было известно еще до 19 февраля 1861 г.), к тому же предохранявшей страну от пролетариата. Обществу льстила эта идея, сыгравшая очень пагубную роль в нашей истории.

Если отбросить декоративную демагогию, то мы увидим, что правым, вроде Победоносцева, община была нужна для поддержания стабильности в их понимании. Народникам община нужна была для проведения социалистического эксперимента. А либералы беспокоились о положении крестьян как национальной святыни, вроде шапки Мономаха и Царь-пушки. Русское крестьянство, по их мнению, были настолько уникальным явлением, что статус-кво надо было сохранять всеми силами. Я утрирую, но, поверьте, на полдесятых процента, не больше. Русских крестьян надо сохранять ровно так, как они живут — в уравнительно — передельной общине.

Меня как бывшего солдата, который помнит казарму, всегда умиляли телячьи восторги людей, которые сами в казарме не бывали, по поводу того, какая это «школа жизни», как здорово в армейском коллехтиве и т.д. Вот эта нравственность за чужой счет — изумительное, точнее изумляющее свойство жителей не только нашей страны, конечно, но и многих других.

Если отбросить эту декоративную демагогию, то мы увидим, что в основе всех действий и правых, и левых, и тех, кого тогда называли либералами — тогда, не сейчас — лежало одно: банальное стремление управлять миллионами крестьян — сначала 60 миллионами, потом 80 миллионами, потом 100 миллионами. И больше ничего.

Только первые хотели, чтобы ими управляло МВД в лице земских начальников, либералы — чтобы это делало земство, а левые — чтобы руководила «народолюбивая интеллигенция». Это показательный термин того времени. Они так себя ценили, наши народники, что именовали себя «народолюбивыми» без кавычек, просто так вот мы народолюбивые, остальные — нет. Это очень похоже на то, что в советское время называли «монополией» — некоторые из присутствующих, полагаю, помнят, — «монополия» на истинное понимание Ле-

нина? То есть, «я трактую Ленина правильно, а все кто трактует Ленина не так, как я понимают его неправильно».

И в данные схемы собственность крестьян на землю никак не вписывалась. «Управляющие» не могли обойтись без общины.

Поэтому контрреформы никоим образом нельзя рассматривать как какие-то специальные антинародные действия власти. Александр III сделал то, о чем десятилетиями трубила народническая интеллигенция и либералы, провел все меры по поддержанию разлагавшегося общинного строя, о которых они говорили. Настоящими либералами тогда были такие люди, как Борис Николаевич Чичерин, то есть те, кто позже станут октябристами (кадеты — не либералы в строгом смысле термина, хотя Андрей Николаевич (Медушевский) со мной, возможно, не согласится, но это его право. Либералами были и те, от кого октябристы произошли в 1905 году). Вот эти люди были против общины. Всем остальным хотелось управлять народом. Ну, и доуправлялись, потакавая самым низменным чувствам населения, во многом живущего представлениями XVII-го века.

К сожалению, часть исторического сообщества до сих пор находится в плену трех-четырёх тезисов, изобретенных народниками, то есть людьми, которые хотели свергнуть историческую власть. Вот эти тезисы: грабительская реформа, малоземелье, непомерные платежи, обнищание, «голодный экспорт» и прочее — все то, что не выдерживает критики при совершенно простом соприкосновении с действительностью. Мы неверно изучали эпоху последние 100 лет, даже больше чем 100 лет — 130 лет. Я думаю, все начинается с земских статистиков — часто фанатичных социалистов. И во многом поэтому мы эту эпоху представляем неправильно. Я не хочу сказать, что после 1861 года Россия была территорией, так сказать, всеобщего благоденствия. Таких в истории не придумано вообще, их просто не бывает по факту. Но Россия была страной, которая развивалась поступательно, позитивно, развивалась чрезвычайно динамично, и, конечно, можно только сожалеть о том, что модернизация Витте и Столыпина, особенно, конечно, Столыпина, произошла позже, чем должна была произойти. Ведь, собственно говоря, Столыпин закончил то, что начал Александр II.

Реплики:

КОСМЫНИН Андрей, эксперт-аналитик РОДП «ЯБЛОКО»

Хотелось бы подчеркнуть то, что уже прозвучало в выступлении Андрея Николаевича Медушевского — значение Великих реформ для социальной интеграции. Потому что Великие реформы и все, что было после них — это не только интеграция крестьянства в общественную жизнь, культурная, ментальная трансформация, это еще и попытка сформировать институт частной собственности на землю, одинаково признаваемой всеми, сформировать на правовой основе, сформировать без революции, без революционного обрыва. Это было очень важно, потому что участники современных дискуссий часто не до конца представляют себе, какая это серьезная была проблема — крестьянское сознание и его отношение к земле, и как сложно было ее решить, и как важна была попытка этого решения, предпринятая в ходе Великих реформ.

Михаил Абрамович Давыдов критически отозвался об обращении авторов реформы к общине. Действительно, опора на общину как нашу уникальную черту — утопия. Но обращение к общине в том смысле, о котором говорил Андрей Николаевич, как к традиционному институту, позволяющему провести трансформацию, связывающую общество, а не разрывающую его — вот это обращение было, по-моему, оправданно, и на нем во многом основывался начальный импульс Великих реформ.

Ну, а то, что было дальше... В дискуссиях надо рассматривать как единый комплекс аграрную реформу — от Манифеста 19 февраля, через столыпинскую реформу и далее.

Вот здесь как раз, по-моему, корень того, почему одни говорят «реформы — удачные», другие рассуждают о провале.

Само по себе освобождение крестьянства, судебная реформа, военная реформа — что же тут неудачного? А вот аграрная реформа, которая, фактически, закончилась обрывом в «чёрный передел»... Крайне важно рассмотрение того, насколько там был возможен результат, почему-таки случился этот обрыв в архаичное, традиционное представление крестьянства, что такое земля и собственность на землю. Здесь ведь проблема не только в том, что большевики взяли и отобрали землю у прежних владельцев. Эсеровская программа уже была неправовой, здесь я согласен с Андреем Николаевичем. А за эсеровскую программу проголосовали избиратели Учредительного собрания.

М. А. ДАВЫДОВ:

То, что вы говорите — это типичный разговор о проигранном футбольном матче, когда хочется не правду сказать, а сказать, что вот, наши ребята устали, у них был долгий перелет, судья плохой и прочее. Значит, не было аграрного преобразования 1861 года до Столыпина. Контрреформы поставили большой толстый шлагбаум на пути у нормального аграрного развития страны. Если бы не поддержка Сената, Госсовета, не поддержка бюрократии, при одобрительных воплях общественности, русская деревня от общины нормально бы перешла к подворному хозяйству, участковому, и все было бы. Чувство собственности — это корень всего. С 1861 года до 1905 у крестьянина не сформировалось то самое нормальное чувство собственности, которое возникло при столыпинской реформе за две недели. Понимаете, за две недели — осознание, что земля твоя. Как оно возникает у человека, который получил новую квартиру и переехал из коммуналки. Все эти разговоры, псевдотеоретические... За дверь.

А. КОСМЫНИН:

Не могу за дверь. Потому что, извините, переехал в новую квартиру из коммуналки, а помещицьи земли рядом, как пятикомнатная квартира. И даже прагматичный крестьянин...

М. ДАВЫДОВ:

Классовая ненависть, что ли?

А. КОСМЫНИН:

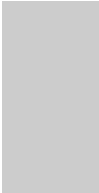
Какая классовая ненависть? Обыкновенное желание собственника прирастить собственность, которое накладывается на это традиционное отношение к тому, что земля — она вся Божья, значит — наша, и поэтому никому не принадлежит, порождает конгломерат, и традиционалистов-крестьян, и крестьян, у которых появилось чувство собственника, но они хотят эту собственность прирастить...

М. ДАВЫДОВ:

Они успели его изжить, такие вещи — не смена платья, не макияж, и даже не чистка картошки для полка впятером. Это серьезные вещи, понимаете. На них уходят поколения. А вы хотите, чтобы крестьяне, которые благодаря только указу в конце 1906 года... Столыпинское землеустройство всерьез началась, поверьте, в 1908 году, на самом деле — в 1913 году, говорю, как человек, который много занимался статистикой этих преобразований, реальной статистикой, а

не разговорами. И, конечно, за пять-шесть лет не решаются вещи такого уровня, понимаете. Все то, о чем говорил и Андрей Виленович Рябов, идея о том, что у нас есть только такая модель и она основана на том, что русскому народу всерьез не дали возможности стать другим. Потому что архаическое сознание, которое начало рушиться на рубеже веков (этому есть много свидетельств) большевики просто заморозили — им так было удобно управлять. И еще 100 лет все это просуществовало в виде мамонта, которого, может быть, еще когда-нибудь восстановят. И чего еще ожидать, когда прошло 20 лет в этих уродских условиях?

ГЕФТЕР Валентин Михайлович

Директор Института прав человека

С точки зрения правочеловеческой, говоря сегодняшним языком, понятно, какое отношение обсуждаемые реформы 1861 года имеют к сегодняшнему дню. В том еще смысле, что это был не только правовой, но и нравственный прорыв. Вообще, речь надо вести о реформах сверху (думаю, что про революцию сверху можно говорить только в отношении отмены крепостного права). Все-таки судебно-правовая и все прочие реформы скорее были именно реформами, а не революцией.

И это как раз то, что близко нам сейчас. Поэтому с такой позиции можно попробовать обобщить, хотя очень сложно это сделать, путь, пройденный за прошедшие полтора века. Но отрезать этап, который Россия тогда пережила, совершенно невозможно. Мостик между двумя эпохами, с моей точки зрения, состоит в том, можно ли вправду спроецировать то время на нынешнее — и, в первую очередь, на состояние нашего общества.

Я не готов говорить «за государство», имея в виду власть — исполнительную, законодательную, судебную — просто потому, как мне кажется, что она вообще не в состоянии отметить этот юбилей, помыслить о тех проблемах, которые он вызывает. Просто дело в содержании умов, не только характера политического режима или нынешней власти, а «природы» элит, в первую очередь — элиты политической.

Что касается общества, то, кажется, нам не понятно, где мы сейчас — с точки зрения реформаторско-революционных, циклических волн, начиная от Петра (может быть и раньше, историкам виднее) «накрывали» Россию. И если бы сейчас вправду состоялись реформы — а у нас, формально говоря, какие-то слова говорят про полицейско-милицейскую, пенитенциарную, военную реформу (неважно какие по содержанию, просто такая терминология употребляется). До этого говорили про административную реформу еще несколько лет назад...

Но все же скажут: это совсем не реформы. Не реформы — не толь-

ко потому, что они не рефлексировались как реформы и не продумывались как реформы. Когда тут говорили про методы или технологии реформирования, я подумал: ведь сейчас мы тоже самое говорим, что и 150 лет назад. Президенту две недели назад про полицейскую реформу говорил: где у вас штаб реформ, где у вас дорожная карта? Я в качестве анекдота могу напомнить про ответ президента: он отвечает за реформы, это его лебединая песня. Над чем — над этой оговоркой мы все сильно задумались.

Это все-таки не проблема одного человека и даже не проблема режима, а проблема состояния умов. Головы в этом смысле абсолютно не работают — и у бюрократии, и у многих тех, от кого это требуется. И в этом смысле мы находимся, в контексте, наверное, не дай Бог, 1881 года, но явно — в контексте контрреформ и обдумывания, и осмысления, что делать дальше.

Это очень похоже на эпоху Наполеона III. И правда, возможны ли реформы реальные или скажем лучше так — позитивные изменения в тех или других направлениях, в том состоянии общества и власти, в котором мы сейчас находимся? Это — мои противоречивые соображения в должности члена президентского Совета.

У нас нет цельной программы сопровождения модернизации страны, конкретных шагов, сочетания самых разных изменений, которые совершенно необходимы.

И это не касается политической сферы. Политическая сфера — это вообще отдельный вопрос. Тут сидит верхушка политической партии, и они нам лучше, наверное, сейчас расскажут. Но даже профильные реформы, то, что мы называем, профессиональные: что можно и нельзя не сделать с нынешней бюрократией и с нынешним обществом, отсутствуют. Например, как можно провести ту же полицейскую реформу (я ей занимаюсь последние полтора года) как фундаментальную для России в данный момент реформу, когда ни широкая публика, ни сами ведомства, ни элиты не понимают, что должно быть, что нам хотелось бы иметь на выходе. И обсуждают проблему не с общественно значимых позиций, а очень странно: через Интернет-обсуждение отдельных норм отдельно взятого закона для реформы отделинной от других сферы. Можно подумать, что в России когда-нибудь получалась, серьезная реформа — институциональная и не показная — через отдельно взятый федеральный закон. Смешно. Но при этом все мы тратим время, силы на такие вещи.

Поэтому я, конечно, за предлагаемое партией «ЯБЛОКО» заявление, и мне очень нравится, что мы начали эти темы обсуждать. Я знаю, что завтра будет то же самое в клубе «19 февраля», уже не у

социал-демократов, а у либералов нынешней закваски, или как их там назвать, и на других площадках, не важно академических или нет. Но как сделать, чтобы эти уроки прошлых реформ стали достоянием более широкого круга людей, чем наши квадратные и круглые столы, для меня такая же загадка, хотя, может, и меньшая, чем как начинать и делать реформу.

Реплики:

А. КОСМИНИН:

Скажите, пожалуйста, можно ли провести аналогию по таким вопросам, как спрос на право и доступ к правосудию? Дело в том, что и в период Великих реформ и сейчас встает вопрос о том, что население имеет определенные права, но не пользуется ими в силу того, что не доверяет судам и считает, что в судах правды не найти. Это один момент, а другой момент — в связи с тем, что вы сказали о контрреформе: можно ли считать что сейчас происходит судебная контрреформа и насколько она сопоставима с контрреформами 1870-х годов XIX века. Приведу пример. Нынешние поправки в УПК, которые выводят дела о терроризме из ведения суда присяжных, в точности повторяют то, что было сделано в период контрреформ. Причем Конституционный суд говорит о том, что это конституционно. Как вы полагаете, можно ли говорить об использовании контрреформ того времени современной политикой?

В.М. ГЕФТЕР:

Вы задаете вопросы полуриторического — полудиссертационного плана. Поэтому очень непросто точно ответить, так что в блиц-режиме скажу на своем уровне понимания, потому что я все-таки не юрист и не конституционалист.

С моей точки зрения — я волею судеб сижу в разных точках наших правовых «дерганий» и имею возможность наблюдать. Правда то, что Вы сказали, по поводу суда присяжных, мы слышим и видим, как происходит все на самом деле, и как ответил президент, когда Тамара Георгиевна Морщакова ему снова начала объяснять про суд присяжных, почему это так важно. В этом смысле видно, что это — ретроградно, что это контрреформа.

С другой стороны, мы отчасти инициировали вместе с ней год назад поправки по УК в сфере предпринимательства, хотя это не наш текст и нечего нам приписывать его себе, но я сейчас сижу в рабочей группе Администрации Президента, которая либерализует УК — уже

не в сфере экономических преступлений, а по всему фронту. В целях сокращения тюремного населения, в первую очередь. Там есть очень противоречивые, недостаточно далекие и несистемные предложения, но все-таки налицо попытки инициировать изменения, сделать так, чтобы сидело под стражей меньше, чтобы уголовная репрессия не была номером один в управлении страной.

И поэтому ответить на вопрос, где мы стоим, очень трудно. В одном секторе, как в гражданском праве, я знаю, что внесенные за последние годы соответствующими президентскими структурами поправки были вполне позитивными. Опять же — частично. Это касается некоторых новелл по исполнению судебных решений, на чем упорно настаивал Совет Европы. Но нет единой по знаку картины. В этом и состоит наше теперешнее время. И на каждый плюс обязательно найдется жирный минус.

На первый вопрос: вот мы недавно обсуждали в ВШЭ — на Старовойтовских чтениях, в ноябре, проблематику правового государства, что как раз близко к тому, о чем Вы спросили. Доступ к правосудию у нас, конечно, далек от идеала, но все-таки есть. И граждане идут в суд — есть заметный процент роста обращений, в первую очередь, по гражданским и по арбитражным делам. Но он, конечно, очень сильно забюрократизирован другими вещами, в том числе качеством правосудия и в итоге — заметно ограничен.

Но спрос на право, совершенно согласен с Вашим мнением, просто запредельно низок. Я думаю, что когда президент (или кто-то придумал ему этот термин?) говорит: «правовой нигилизм» — это еще слабая формула, с моей точки зрения. Конечно, это относится, в первую очередь, к любой бюрократии. И я бы так сказал: есть не спрос не на право — есть спрос на нормативистику, чтобы закон можно было с удовольствием использовать в своих интересах, законных или незаконных (это другой вопрос). Но спрос на право с большой буквы, как мы с вами любим писать (верховенство Права и тому подобное) просто начисто отсутствует сверху донизу или снизу доверху. И эта проблема не моего поколения — это проблема надолго.

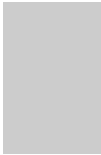
А. КОСМЫНИН:

У меня просто реплика вслед этой дискуссии. Мне кажется, что если говорить о вопросе реформы-контрреформы в судебной сфере, то тут, пользуясь термином самого Андрея Николаевича Медушевского, который часто говорит и пишет о мнимом конституционализме, как о проблеме, надо говорить не о какой-то контрреформе, а в отдельных статьях уголовного кодекса — о мнимом праве как глав-

ной проблеме. Потому что на уровне конституционного права действительно есть реформы и контрреформы. Там всякое разное происходит, но главный процесс — то, что формально написанные законы уходят от практики, вернее, практика от них уходит. В принципе, это касается всех форм жизни общества. Если пользоваться термином «мнимый», то мнимый конституционализм, мнимое право и мнимый федерализм — главная проблема, суть происходящих процессов последнего года.

М. ГЕФТЕР:

Это правильно, конечно: правоприменитель уходит в «мнимость»... Более того, современный правоприменитель научился в «лучших» своих образцах **злоупотреблять** правом, он не просто уходит, а он этим писанным правом пользуется, использует право в тех или иных своих правоприменительных интересах, включая Европейскую конвенцию о правах человека и прецедентные решения Страсбурга. Это проблема очень тяжелая, ее не решишь заменой закона и его отдельных норм или заменой правоприменителя одного на другого.

ЯВЛИНСКИЙ Григорий Алексеевич **Основатель партии «ЯБЛОКО»,** **член Политического комитета, профессор** **Государственного университета —** **Высшая школа экономики**

Говоря серьёзно, этот вопрос крайне важен, как и все, о чем мы сегодня говорим.

Я хочу выразить признательность организаторам этого Круглого стола. Его инициатором был Сергей Митрохин. Он совершенно правильно оценил важность нашей сегодняшней темы. Я хотел бы поблагодарить всех присутствующих за очень серьезные и важные рассуждения. На фоне сегодняшней российской политики всякое серьезное обсуждение истории нашей страны исключительно важно.

С большим сожалением должен сказать, что у меня возникает сомнение, изучали ли наши руководители скажем, математику, арифметику, географию (я и раньше в этом не был уверен). Но то, что они точно не изучали историю, это, по-моему, абсолютный факт. Отвержение истории для сегодняшней политики даже хуже, чем отказ в своё время от генетики и кибернетики. Их хотя бы ругали, а уроки истории просто не хотят замечать.

Впрочем, дело даже не только во власти. Один из очень крупных ученых тогда сказал, что вред от Лысенко был вовсе не в том, что делал и говорил Лысенко, а в том, что всякий, кто говорил, что Лысенко дурак, автоматически признавался крупным ученым.

Сейчас ситуация доведена до такого же абсурда. Любого, кто говорит, что премьер или президент плох, раскручивают как крупного политика. Больше ему ничего знать не обязательно.

На мой взгляд, политики — это люди, которые знают прошлое, понимают настоящее и верят в будущее. В этом смысле такие обсуждения как это — важны, и мы вам очень благодарны.

Я хотел бы обратить внимание на тему своевременности реформ. Так, я думаю, что реформы, подобные реформам Александра II, могли бы оказаться значительно более продуктивными, если бы они осуществились сразу после 1815 года, после окончания войны.

Они произошли бы тогда на фоне победы над Наполеоном, воз-

вращения войск из Европы. В моем представлении, это был подходящий момент для реформ.

Время, выбор правильного момента очень важен для реформ. Время в реформах имеет несколько измерений. Во-первых, исключительно важно сообразить, когда наступает момент действовать. Кроме того, для России очень важно уметь мерить даже не столько свое время, сколько европейское. Главная проблема России, с точки зрения реформ — это отрыв от европейского времени. Если он очень большой, начинаются очень серьезные проблемы.

Наконец, надо учитывать особенности скорости времени. Мне кажется, что сейчас скорость времени невероятная, несопоставимая с каким-либо периодом прошлого. От 1861 года до революции прошло почти пятьдесят лет. Временные промежутки между взаимосвязанными процессами сегодня совсем другие.

Ещё один момент, о котором я хочу сказать. Обратите внимание, сегодня держится в большой тайне что такое модернизация. Не хотят объяснить людям, затаились и не говорят, что это такое. Время от времени показывают какой-то новый телефон, красивые здания в Сколково. А что такое модернизация, не рассказывают. Когда Михаил Сергеевича Горбачева спрашивали, что такое перестройка, он отвечал: «живое творчество масс». И чем это кончилось? ЦК и вся партийная система не понимала, что это такое, и, оставаясь в состоянии непонимания, власть и государство разрушились.

Но мы с вами можем сформулировать ответ на этот вопрос, опираясь на анализ реформ 1861 года заметить аналогии и параллели.

Например, первая задача реформ — это продвижение к положению, когда существует закон, равный для всех. Я думаю, что на сегодняшний день это абсолютно первый вопрос. Причем, он первый для всех, для любых политических групп, для демократов, не демократов, для кого угодно.

Общественная потребность в этом уже выражается в комическом, абсурдном виде, например, в виде проблемы мигалок. Меня сегодня спросили, как решить проблему мигалок. Я сказал, что надо поставить мигалки всем, обязать всех иметь мигалки. Раз мы не можем снять мигалки, давайте сделаем так, чтобы они были у всех. Фары у всех — и мигалки у всех. Будет красиво, такая дискотека, с красными и синими фонарями. Необходимость в равенстве перед законом действительно существует, и 150 лет назад эта проблема тоже существовала и решалась.

Второе — разделение властей. К чему вели уложения 1864 года? Они вели к независимости судей. Это был шаг к разделению влас-

тей. Ну, конечно, не совсем в том смысле, как сегодня, но глубинная суть в этом!

Итак, первый пункт — закон, одинаковый для всех, второй — чтобы суд мог действовать независимо по этому закону, и третье — ответственность. Приватизация в 90-х была проведена так, что мы не создали частную собственность. У любого можно все отобрать. Нет того, что было главным в реформах, начиная с 1990 года, и с чего, кстати, всё начиналось и в 1861 году, как я понимаю. Цель была в том, чтобы был собственник, мелкий производитель, средний производитель. Тогда не получилось. И сейчас мы без этого.

Мне кажется, что эти три модернизационные задачи: равенство перед законом, разделение властей и собственность — те же самые, что были тогда.

Кстати говоря, в отличие от Австрии и Пруссии, Россия не захотела потратить ни одной копейки на эту реформу. Она, как я понимаю, решила на ней еще и заработать. Через сто с лишним лет тоже начали реформы и заработали на них, и ещё как, правда, далеко не все. У нас даже в кризис растет число людей, входящих в списки Форбса и имеющих активы более миллиарда долларов. Значит, и этот механизм как-то сохранился.

То есть можно проводить параллели, но с учетом другой скорости времени. А также — с учётом разницы в намерениях и действиях реформаторов.. Многое из происходящего сейчас я вижу не как контрреформы, а как развитие того, что сделали. Потому что такую заложили базу, что во многих принципиальных элементах, развитие того, что было сделано в 1990-ые годы, неизбежно ведет к тому, что мы имеем сегодня.

Наша политическая задача, на мой взгляд, следующая — показать, в чём актуальность обсуждения этой темы, а также, кстати, в чём актуальность обсуждения событий 1917 года, 90-летие которых мы отмечаем не так давно. Ведь тогда официальная позиция властей была в чем? В том, чтобы популяризировать Александра Исаевича Солженицына и его старую статью.

О том, что царь не должен был уходить, он должен был из пулеметов расстрелять толпу — и все было бы хорошо. Наши сегодняшние руководители, естественно, активно пропагандировали эту идею. Все процессы, которые ослабляли Россию начиная с Крымской войны, игнорируются, также как и неспособность Николая II что-то сделать. Все отмечается — масштабы коррупции, состояние армии в условиях Первой Мировой, статистический анализ того, какие вообще возможности были у русской армии в этой войне, учитывая

коррупцию, учитывая состояние промышленности, анализ которого блестяще был сделан академиком С.Г. Струмилиным — все отмечается! И заменяется одним тезисом: надо было чернь пулеметами крошить, и все было бы хорошо. Это очень опасное представление, полностью игнорирующее исторические уроки реформ.

При такой «философии» руководителей страны, боюсь, что нас ожидают очень существенные события. Думаю, что если аналогии и исторические уроки, о которых мы говорим, справедливы, все то, что мы сегодня здесь обсуждаем, имеет прямое отношение к сегодняшнему дню. Более того, имеет прямое отношение и к завтрашнему и послезавтрашнему дню. Потому что если нынешнее руководство страны останется у власти еще на 12 лет, тогда общий срок правления Владимира Путина будет 24 года. В этом случае нам есть чего опасаться, от чего предостерегать, повторения чего стараться не допустить.

МИСНИК Борис Григорьевич

Координатор Политкомитета РОДП «ЯБЛОКО»

Я понимаю, какой у нас интерес к профессионалам, высоким профессионалам в этой области и благодарен за то, что вы к нам пришли и прояснили некоторые моменты. Потому что я, как Андрей Виленович Рябов сказал, страшно далек от истории и, как многие люди, выросшие в советское время, изучал историю по советским учебникам. И после того, как удалось прочесть что-то реально относящееся к этим историческим временам, проникся глубоким отвращением к этой самой советской истории и ее оценкам. И могу вам сказать, что, наверное, потому мы в первый раз отмечаем этот юбилей в 2011 году, что предыдущий, если посчитать 25 лет назад — 125 лет, ближайший, он был в 1986 году — тогда точно было не до празднования Великих реформ. Об этом просто никто не вспоминал, не знал. И вообще говоря, в рядовой советской истории для рядовых советских граждан об этом упоминалось несколько вскользь.

Руководствуясь этим обращением к советской истории и сомнениями в объективности оценок нынешних историков, я перед этим Круглым столом решил заглянуть в книги: а что же писали современники в это время? То есть — в каких условиях проходили эти Великие реформы, и что говорили тогда те, кто относил себя к настоящей элите, к просвещенной интеллигенции? Я могу процитировать Петра Яковлевича Чаадаева, который писал в «Философических письмах» в 1829 году, что «одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его...», ну и там дальше идет целая история о том, что мы отстаем, что мы находимся в некотором промежуточном — между Западом и Востоком — положении, и у нас совершенно, совершенно не модернизируемые, если говорить современным языком, народ и государство. Кстати говоря, в ответе Александра Сергеевича Пушкина, который он подготовил для Чаадаева, но не отправил, было сказано, что «в Вашем послании многое верно», хотя Пушкин с ним не соглашался в оценке исторической роли русского народа.

Что писал Петр Васильевич Долгоруков, один из диссидентов-эмигрантов о перемене образа правления в России? Он писал, что «в эпоху великих политических переворотов, подобной той, которую ныне переживает Россия, первый долг граждан разумных и любящих отечество состоит в отыскивании способов, могущих содействовать перевороту свершиться и достигнуть цели, но с возможным наименьшим ущербом, во-первых, для отечества, а во-вторых, для частных лиц. Чем вихрь событий будет наименее буреломным, тем лучше». И вот Андрей Николаевич Медушевский сказал, что реформы были проведены в «мягком», что называется, не кровавом, режиме, это соответствовало ожиданиям определенной части нашей интеллигенции, просвещенного дворянства, может быть, просвещенной бюрократии. Хотя оценка народа была, в общем-то, у многих достаточно пессимистичной.

Константин Сергеевич Аксаков писал в 1855 году царю Александру II записку о том, что «русский народ есть народ негосударственный». Кстати говоря, о том же недавно сказал Юрий Афанасьев в своей статье «Ощущение пустоты» примерно теми же словами. То есть, то, что модернизация, реформы и революция были сверху, на самом деле является заслугой императора Александра II. Не знаю, не изучал его (Александра II) молодые годы, детство и юношество. Но это действительно, очевидно, реформы сверху, и слава Богу, что эти реформы состоялись.

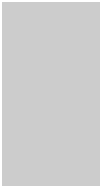
Но, возвращаясь к результатам этих реформ, о многом сказал Григорий Алексеевич Явлинский, о последствиях. Я хочу сказать еще об одном аспекте этих реформ: о соотношении земли и собственности в России в настоящее время. Этот процесс действительно не был доведен до конца. Он не доведен до конца и сегодня, как я понимаю, потому что наши люди, в том числе бывшие члены колхозов, работники совхозов, которых якобы наделили паями, землей — они реально этой земли не имеют. Эта земля не является капиталом. Эту землю нельзя продать, нельзя положить в залог, этой землей нельзя пользоваться в современном мире как действительно своей собственностью. Кстати, это тоже относится к частной, личной, точнее, к частной собственности мелкого предпринимателя. Это относится и к проблеме легитимации крупной частной собственности — потому что ею тоже нельзя пользоваться без благословения бюрократии и номенклатуры. Это проблема еще с тех пор остается нерешенной.

И, как мне кажется, объясняется она, в том числе, нашим вот таким имперским менталитетом, нашей вот такой вот «государственной» составляющей, которая, кстати говоря, характерна и для

нашего руководства, и для элиты. Они ведь тоже, в большинстве, хоть не в раннесоветское, но в позднесоветское время, как раз росли в той же самой среде, учились в тех же самых школах, тех же институтах. И обладают примерно тем же менталитетом, который, вообще, и склоняет их к тому, что говорить об освобождении от крепостного права сегодня абсолютно не актуально.

Возвращаясь к теме свободы и собственности — эта тема для нашей партии чрезвычайно важна. Мы считаем, что реально свободным может быть только ответственный собственник, которого в нашей стране еще нет, и понятно, что время ускоряется, да и происходящее в последние дни в Египте это показало. Если раньше, в эпоху фараонов, тысячелетиями была одна и та же обстановка, и то, что называется стабильностью, и можно было прогнозировать жизнь на протяжении нескольких поколений, то последние дни показали, что подобного рода кажущиеся устойчивыми режимы рушатся буквально за несколько дней. Но ощущение того, что наш негосударственный, как сказали просвещенные дворяне, интеллигенты, бюрократы, наш негосударственный народ готов сегодня к радикальным переменам — этого ощущения нет. И слава Богу, что этого нет, потому что всякие революционные изменения нашей действительности ни к чему, кроме беспощадного бунта, к сожалению, не приводят. И наша задача как партии этому способствовать. Недавно мы приняли документ о новом политическом курсе, в котором еще раз подчеркнули наше стремление к эволюционному развитию в России, поиску форм этого эволюционного развития, в том числе и с учётом вот этих самых параллелей с происходящим на севере Африки в эти дни.

Григорий Алексеевич Явлинский не сказал, что он написал ответ на статью Солженицына — работу «Февральские параллели». Очень рекомендую прочесть, потому что там высказана серьезная альтернативная точка зрения на те процессы, которые имели место в 1917 году в феврале месяце. И мы думаем, что, повышая свой общеобразовательный уровень за счет любезного вашего согласия на участие в наших Круглых столах, мы будем стараться проводить эту политику с учетом того исторического прошлого, которое для нас так же дорого, как и для всех граждан нашей страны.

ГНЕЗДИЛОВ Александр Валентинович **Член Регионального совета, заместитель** **председателя Московского «ЯБЛОКА»** **и Молодежной палаты при МГД, режиссер**

Я хотел бы продолжить параллели, уже проводившиеся сегодня, между тем, что происходило 150 лет назад и что происходит в наши дни. Уже говорилось о том, что Великие реформы не завершились, к сожалению, изменением самой системы, отказом от самодержавия. То же самое мы видим сегодня, когда наши власти, обсуждая тему модернизации, принципиально отказываются обсуждать вопрос об изменении политической системы в сторону ее демократизации.

Но есть и аспекты, в которых современная власть отличается от той, что была 150 лет назад. Например, это касается инвестиций в развитие человеческого потенциала, в развитие граждан, в развитие общества. Среди очень важных реформ, которые были проведены, сегодня не упоминалась реформа, которая была сделана еще до отмены крепостного права. О ней вообще достаточно мало и редко упоминается. Я о ней узнал совершенно случайно, работая над одной из пьес Островского. Оказывается, выездные пошлины для русских были снижены в первые же годы царствования Александра II в сто раз — с нескольких сот рублей, что делало невозможным выезд за границу ни для кого, кроме высшей аристократии, до нескольких рублей, что открыло возможность увидеть мир для огромного количества людей не только в составе русской армии во время войны с Наполеоном, но и просто в мирное время. Увидеть, что происходит в странах Европы, и вернуться с этим знанием в Россию.

Проводя сравнение тогдашней и сегодняшней ситуации, мы видим, что сегодня, с одной стороны, границы совершенно открыты, но при этом материальное положение огромного числа граждан по-прежнему не позволяет им увидеть, что либерализм и демократия — это не пустые слова, это то, что может реально работать, и то, что работает в других странах и приносит свои плоды.

Далее можно вспомнить, например, художников-передвижников, которые не были выпускниками академии, так и не получили академического диплома, но их выставкам никто не мешал. И эти выставки, произведения, которые там выставлялись, критиковали зачастую основы государственного строя, например, православия. Мы все помним «Чаепитие в Мытищах», «Крестный ход» Перова и так далее. Здесь можно сравнить ситуацию с тем, что у нас сегодня происходит с выставкой «Запретное искусство» и прочее.

При Александре II в русском театре появилась национальная драматургия в своих лучших произведениях. При Николае I «Ревизор» был запрещен сразу же, как только показан, и потом не демонстрировался или демонстрировался, но в искаженном виде. «Горе от ума» появилось только спустя 50 лет, при Александре II, «Свои люди — сочтемся» Островского — то же самое. И здесь дело не только в том, что появилась русская национальная драматургия, а в том, что эти произведения затрагивали социальные темы, вовлекали зал в то, что происходило в стране на самом деле. Мы можем сравнить это с тем, насколько сегодня финансируется культура и насколько власти воспринимают современное искусство. Например, с запретом пьес современных драматургов в Белгороде: скандал был пару недель назад, связанный с тем, что администрация, руководствуясь региональным законом о духовности, запретила представления пьес любых современных авторов.

Я не буду говорить о других важных вещах, которые происходили 150 лет назад, вроде изменения тиражей, которые стали возможны, в том числе, благодаря открытию земских школ и росту числа грамотных людей, и о появлении издательских империй Сытина и других.

Это все очень контрастно по отношению к тому, что происходит сейчас. Когда, защищая закон об образовании, Владимир Вольфович Жириновский говорит: «Зачем инвестировать в образование? Образованные сделали революцию в Египте!» — мы видим очень яркий контраст с отношением к образованию реформаторов эпохи Александра Второго.

И еще одна мысль, которая у меня возникает. О роли личности в истории.

Как не оценивай ранние годы Александра II, но, тем не менее, условно говоря, человека воспитывал Василий Андреевич Жуковский — и вот определенный результат. Следующих двух царей воспитывал Константин Петрович Победоносцев — и закончилось революцией.

Когда Михаила Горбачева спрашивали, почему он настолько нетипичным был генеральным секретарем, он сказал, что они с Раисой Максимовной часто ходили в «Современник». И вообще, они принадлежали к оттепельной культуре 1950—1960-х годов. Сегодня мы видим, что у наших руководителей совсем другие воспитатели. Поэтому у них популярна точка зрения, что Февральская революция могла быть подавлена пушками, и поэтому же глава Росмолодежи Василий Якеменко обещал несколько лет назад разогнать потенциальный майдан при помощи болельщиков, вооруженных стульями со стадиона.

Я говорю это к вопросу о том, что должны делать мы, как гражданское общество, чтобы изменить элиту и подтолкнуть ее к мысли о том, что без политических изменений и без инвестиций в человеческий капитал никакая технологическая модернизация не будет ни прочной, ни надежной и не принесет существенных плодов для России.

МИТРОХИН Сергей Сергеевич

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ОБСУЖДЕНИЯ

Мне кажется, главный итог сегодняшнего обсуждения — это продолжение нашего осмысления истории и того, что происходило. Но я только одну линию сегодняшней дискуссии хотел бы вспомнить и на ней заострить внимание.

Вот здесь говорилось: реформы-контрреформы. Была Великая реформа, потом начались контрреформы. Да, конечно, наверное, эти контрреформы отчасти принесли какой-то вред, который мы проходили при Александре III. А возможно, часть из них была продолжением того, что делал Александр II, о чем говорил, по-моему, Михаил Абрамович Давыдов. Мы сегодня смотрим с высоты исторического периода 150-ти лет. Мне кажется, надо по-крупному смотреть, в том числе и на эти понятия — реформы и контрреформы.

Что было реформой? Реформы Александра II — это были реформы? Да! Витте — это были реформы. Гораздо большей степени, чем Витте, были реформы Столыпина. Вот, Григорий Алексеевич Явлинский сказал, что несвоевременно, поздно начались реформы Александра II, лучше бы были при Александре I. И то же самое можно сказать о Столыпине. Лучше, если бы Столыпин был министром при Александре II, тогда уж точно эта реформа прошла бы с гораздо более стабильным и успешным результатом для России.

А каков смысл реформы? Как Россия могла догнать Европу — действительно решить главную проблему, аграрную, на тот момент? Главным ресурсом тогда еще была земля, и смысл был в том, чтобы передать эту землю в собственность массовому слою крестьян. А тому крестьянину, который не способен был стать собственником, дать возможность вовремя переместиться в города, адаптироваться в них. Крестьяне, не ставшие собственниками, люмпенизировались и превратились в пушечное мясо для демагогов и врагов России — большевиков. Поэтому с этой точки зрения, что можно назвать глав-

ной контрреформой? Не то, что происходило при Александре II, а то, что происходило после 1917-го года и во многом продолжает осуществляться и сейчас.

Не случайно же, кого первыми на селе уничтожали большевики? Кулаков, то есть продукт деятельности Столыпина. Их слишком мало оказалось, и они не смогли себя защитить с оружием в руках в силу своей малочисленности, не смогли противостоять большевизму.

По большому счету, если смотреть в корень этой проблемы, все продолжается и сейчас. Совершенно правильно Борис Григорьевич Мисник привел пример с земельными паями. Откуда они вообще у нас взялись, откуда взялась эта психология, что у человека может быть собственность и какой-то абстрактный пай, непонятно для чего выделенный на местности? Наверное, речь идет все-таки о той же самой общинной психологии, той же самой общине. Это рецидив общинного сознания, который эксплуатировали большевики, но он и сегодня используется.

Но я не согласен с его точкой зрения, что никто не может этими паями распоряжаться. У нас сейчас такое законодательство, что владелец отдельного пая не может им распоряжаться, а тот, кто скупает все пай вместе, может распоряжаться ими очень легко. Потому что труднее всего выделить этот пай, пройти бюрократическую процедуру, чтобы тебе его разрешили вырезать. То есть, сегодня мы стоим перед необходимостью повторения столыпинской реформы, только в другом ракурсе и другими методами.

Поэтому если уж и говорить о подведении итогов, то мне кажется, что мы сегодня должны обращаться к этим Великим реформам, которые надо понимать действительно в широком смысле. Вот один из итогов нашего Круглого стола — это не только реформы Александра II, но и Столыпина тоже. Нам просто надо осуществить их реформы до конца, как это ни тяжело сегодня делать. И во многом гораздо тяжелее, чем было тогда. Потому что, например, крестьянство за это время уже успели уничтожить, а крестьянство — это резервуар социального капитала, в том числе для цивилизованной индустриализации. А когда нет социального капитала, нет этих связей, которые конвертируются в банковскую сферу, в доверие, в кредиты и так далее... Ничего этого нет, все разрушено.

Поэтому сегодня эта задача гораздо сложнее, чем была тогда у нас в России. И касается она, конечно, не только сельского хозяйства, но и всех остальных сфер. Потому что в области собственности у нас действительно нет никаких стабильно работающих институтов, защищающих само это понятие частной собственности. Они

не были созданы, несмотря на всю риторику, крики и лозунги 1990-х годов. Никакого собственника и в помине нет. Они его не создали — ни Егор Гайдар, ни Анатолий Чубайс. Они создали дикий нерегулируемый рынок купли-продажи, на котором, как в джунглях, победили сильнейшие. Эти тоже продолжают традиции большевизма в новых условиях и новыми методами.

Поэтому итог такой, что нам надо внимательно изучать исторический опыт, изучать опыт великих реформаторов и пытаться сегодня на основе этого опыта, самим своими силами, реформировать Россию.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ

**Гефтер
Валентин Михайлович**
директор Института прав
человека, член Совета по развитию
гражданского общества и правам
человека при Президенте
Российской Федерации

**Гнездилов
Александр Валентинович**
режиссер, член Регионального
совета и заместитель председателя
Московского «ЯБЛОКА» и
Молодежной палаты при МГД

**Давыдов
Михаил Абрамович**
профессор кафедры истории
средневековья и раннего нового
времени Российского
государственного гуманитарного
университета, доктор
исторических наук

**Зубов
Андрей Борисович**

профессор кафедры философии
Московского государственного
института международных отношений,
доктор исторических наук

**Космынин
Андрей Васильевич**

Эксперт-аналитик партии «ЯБЛОКО»,
кандидат исторических наук

**Медушевский
Андрей Николаевич**

профессор кафедры прикладной
политологии Государственного
университета — Высшая школа
экономики, доктор философских наук

**Митрохин
Сергей Сергеевич**

Председатель РОДП
«ЯБЛОКО», кандидат
политических наук

**Михалева
Галина Михайловна**

Исполнительный секретарь
Политического комитета РОДП
«ЯБЛОКО», доцент кафедры
культуры мира и демократии
Российского государственного
гуманитарного университета,
доктор философии

**Мисник
Борис Григорьевич**

координатор Политического
комитета партии «ЯБЛОКО»

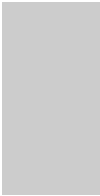
**Никулин
Александр Михайлович**
директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, кандидат экономических наук

**Рябов
Андрей Виленович**
член Научного совета Центра Карнеги, кандидат исторических наук

**Явлинский
Григорий
Алексеевич**
основатель партии «ЯБЛОКО», член Политического комитета, профессор Государственного университета — Высшая школа экономики, доктор экономических наук

РОССИЙСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ «ЯБЛОКО»

Партия «ЯБЛОКО» была создана в декабре 2001 г. на базе Общероссийской общественно-политической организации «Объединение «ЯБЛОКО», которой предшествовал созданный в 1993 году избирательный блок «ЯБЛОКО», объединивший ряд демократических партий и общественных организаций. В 2006 году, после вступления в партию ряда общественных организаций и создания внутри партии фракций, партия получила нынешнее название: Российская Объединенная Демократическая Партия «ЯБЛОКО» («ЯБЛОКО — объединенные демократы»). Партия была представлена фракцией в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации I—III-го созывов.

Основатель и Председатель партии (до 2008 г.) Г.А. Явлинский занимал четвертое и третье места в выборах Президента РФ 1996 и 2000 гг. Партия находилась и находится в оппозиции, последовательно выступала против криминальной приватизации 1990!-х годов, залоговых аукционов, войны в Чечне, сворачивания демократических институтов, ущемления прав и свобод граждан. Партия предлагала ряд программ, в том числе — «Демократический манифест», план преодоления последствий криминальной приватизации и демонтажа олигархического капитализма («Дорожная карта» российских реформ»), «Семь шагов к равенству возможностей», антикризисную концепцию.

Идеология партии «ЯБЛОКО» — социально-либеральная, демократическая. Партия выступает за социальную рыночную экономику, равенство стартовых возможностей, развитие конкурентности в политике и экономике, укрепление демократических институтов, правовое государство, контроль граждан за властью.

Главный лозунг: «За свободу и справедливость!».

Действуя в условиях российского консолидированного авторитарного политического режима, Партия ориентируется на защиту со-

циальных, политических и гражданских прав граждан, сохраняя взаимодействие с органами власти и местного самоуправления. Участвует, с учетом складывающихся реальных возможностей, в выборах разного уровня. Однако достижение формально значимых результатов затруднено отсутствием доступа к СМИ, фальсификациями и применением административного ресурса. Ряд активистов партии, выступавших против коррупции и неправовых действий федеральных и региональных властей, погибли, некоторые осуждены и получили реальные и условные сроки

Партия «ЯБЛОКО» — полноправный член Либерального интернационала с 2002 г. и Европейской партии либеральных демократов и реформаторов (ELDR) с 2006 г.

В партии «ЯБЛОКО» 76 региональных отделений, свыше 600 структурных подразделений, более 57 тысяч членов. В составе Партии действует ряд фракций: «Зеленая Россия», «Солдатские матери», Правозащитная, Гендерная, «Молодежное ЯБЛОКО — Молодые демократы», Социал-демократическая, фракции предпринимателей и «Старшее поколение — пенсионеры России». Партия взаимодействует с новыми гражданскими инициативами и общественными организациями для защиты прав граждан в социальной сфере.

Председатель Партии: Митрохин С.С., депутат Государственной Думы 1—3-го созывов, Московской городской Думы в 2005—2009 годах.

Политический комитет РОДП «ЯБЛОКО» — коллегиальный руководящий орган Партии, созданный решением XV Съезда Партии в 2008 году (М.И. Амосов, А.Г. Арбатов, И.Ю. Артемьев, Е.П. Дубровина, С.В. Иваненко, С.А. Ковалев, Б.Г. Мисник, С.С. Митрохин, В.А. Попов, В.Л. Шейнис, А.В. Яблоков, Г.А. Явлинский).

Среди основных постановлений Политкомитета: «Преодоление большевизма и сталинизма как условие модернизации России в XXI веке», антикризисная концепция «Дома. Земля. Дороги», «О внешней политике России», «Об антиэкологической политике руководства России», «Режим консолидированного авторитаризма и задачи ответственной оппозиции в современной России», «О государственной политике охраны здоровья и реформировании системы здравоохранения».

ПОСЛЕДНИЕ ПУБЛИКАЦИИ ПАРТИИ «ЯБЛОКО»

Каюмов А.А. Нижегородская область (Чебоксарское водохранилище). Изд-во «Лесная страна», 2011. — 32 с. 3 карты.

Брошюра из серии «Региональная экологическая политика» РОДП «ЯБЛОКО». Обзор социально-экологических проблем, связанных с планами подъема уровня Чебоксарского водохранилища на пять метров от современного. Для широкого круга читателей.

Кара-Мурза В.В. Реформы или революция: К истории попытки образовать ответственное министерство в I Государственной Думе. — М.: Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», 2011. — 136 с.

Книга рассказывает о попытке победившей на выборах в I Государственную Думу России партии кадетов добиться назначения ответственного министерства весной—летом 1906 г. Работа написана на основе предвыборных материалов, стенографических отчетов заседаний Государственной Думы, газетных публикаций и воспоминаний участников событий. Книга предназначена для всех, кто интересуется историей России XX века.

Политика деэкологизации в России и задачи партии «ЯБЛОКО». Отв. ред. Г.М. Михалева. — М., РОДП «ЯБЛОКО», «КМК», 2010. — 152 с.

Сборник материалов по проблемам современной экологической политики России включает официальные документы РОДП «ЯБЛОКО» за 2006 г. — май 2010 г. (заявления, решения, резолюции, в т.ч. резолюцию XV Съезда партии «ЯБЛОКО» «Об антиэкологической политике руководства России» от 20 декабря 2009 г.) и материалы Круглого стола «Политика деэкологизации в России: социально-экономические последствия», проведенного в РОДП «ЯБЛОКО» с участием ряда ведущих российских экологов, экономистов и политологов в апреле 2010 года. Рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся политическими аспектами проблем экологии, экономики, здоровья России.

Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы конференции; отв. ред. Г.М. Михалева. г. Москва, 26 февраля 2010 г. — М., РОДП «ЯБЛОКО», «КМК», 2010. — 112 с.

В книге «Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра» представлены доклады, сделанные на одноименной конференции, прошедшей 26 февраля 2010 года на площадке РОДП «ЯБЛОКО». В конференции участвовали представительницы и представители экспертного сообщества, главы женских некоммерческих организаций, женщины-политики разных уровней, журналисты, активисты Интернет-сообществ. В статьях сборника представлены различные, отчасти противоположные, взгляды на женское движение и положение женщин в России. Книга предназначена представителям некоммерческих организаций, политикам, журналистам, представителям научного сообщества, преподавателям и студентам, всем, кому интересны проблемы равных прав и возможностей для женщин.

Алексей Арбатов. Уравнение безопасности. — М., РОДП «ЯБЛОКО», 2010. — 296 с.

В книге дана оценка современной системы международной безопасности, место Российской Федерации в сложной и изменчивой концепции международных отношений. По мнению автора, будущее нашей страны обеспечивает только европейский вектор развития. Квинтэссенцией основных положений книги «Уравнение безопасности» стало решение Политического комитета партии «ЯБЛОКО» «О внешней политике России», принятое 6 июня 2009 г.

Евгения Диллендорф. Кража. — М., РОДП «ЯБЛОКО», 2010. — 39 с.

В книжке собраны и описаны основные способы нарушений и фальсификаций в день выборов 11 октября 2009 года в Москве. Их масштабы и наглость позволяют говорить не просто о фальсификациях, а о захвате власти в столице. В работе приведены документы, которые рассказывают о многочисленных уловках и ухищрениях, к которым прибегает «административный ресурс», чтобы достичь плановых показателей.

Преодоление сталинизма. — М., РОДП «ЯБЛОКО», «КМК», 2009. — 160 с., цв. обл. 2-ое издание: — М., РОДП «ЯБЛОКО», «КМК», 2010 — 208 с., цв. — 8 с., цв. обл. Издание подготовлено Секретариатом Политического комитета РОДП «ЯБЛОКО» под руководством и общей редакцией Г.М. Михалевой. Ответственный за выпуск: Б.Г. Мисник.

В книге «Преодоление сталинизма» представлено решение Политического комитета Российской объединенной демократической партии «ЯБЛОКО» о преодолении наследия большевизма и сталинизма, сформулирована политическая оценка ключевых вопросов истории России в XX веке, обосновывается необходимость преодоления сталинизма и большевизма как главной предпосылки модернизации России. Политическое решение, в котором содержится оценка сталинской системы и октябрьского переворота 1917 года, принято впервые. Читатели могут познакомиться с содержанием дискуссии с участием ведущих российских правозащитников и экспертов, а также материалами и публикациями, предшествующими принятию этих решений. Книга предназначена всем, кому не безразлично настоящее и будущее нашей страны.

**Подробнее о партии «ЯБЛОКО»
см. на сайте www.yabloko.ru.**